ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 4 МАРТА 1931 г. № 12 (111)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

КОГО СУДЯТ?

Судят меньшевиков. Судят «Союзное бюро РСДРП(м)», контрреволюционное охвостье, агентуру 2-го Интернационала в СССР. Судят тех, кто, вместе с Рамзиным и Кондратьевым, получая подачки от Тоггирома и выполняя волю мирового империализма, захотел сорвать социалистическое наступление пролетариата, восстановить капиталистический строй, призвать интервентов. Лишний раз и с полной наглядностью вскрывается обострение классовой борьбы в стране, не оставляющее места для промежуточных позиций, для политической межеумочности, для «нейтральности».

Они—Сухановы, Громады, Рубины — пользовались доверием диктатуры пролетариата. Рассчитывая на КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ советской власти, они—до поры до времени — «лойяльно» работали на ответственнейших постах. Их «лойяльность» выражалась в попытках «ЛЕГАЛЬНО» помочь силам капитализма. Но ставка за ставкой была бита. Рухнули надежды на троцкистов, на правых оппортунистов в партии, на возможность использования органов советской власти. Началась социалистическая реконструкция, началось вынорачивание корней капитализма, победила генеральная линия партии, победили идеи ленинизма. Так зародился курс на ИНТЕРВЕНЦИЮ, на организованное ВРЕДИТЕЛЬСТВО, на Рамзиных.

От 1903 года, когда второй с'езд РСДРП раскололся на большевиков и меньшевиков и когда меньшевизм был еще оппортунистическим крылом рабочего движения, и до 1931 года, когда пролетариат судит меньшевиков как пазучиков врага, как продажных пажеев контрреволюции,—такова ДВАДЦАТИВОСЬМИЛЕТНИЙ ПУТЬ РЕНЕГАТСТВА, ИЗМЕН, ОКОНЧАТЕЛЬНОГО КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ВЫРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНЬШЕВИЗМА. Этот путь отражает общую эволюцию интернационала. Дозревший социал-ОППОРТУНИЗМ превратился в послевоенный социал-ФАШИЗМ. Империализм на только ТЕРПИТ социал-фашистов,—он ПООЩРЯЕТ их и ПОМОГАЕТ им, в ряде случаев непосредственно ПЕРЕДОВЕРЯЯ им работу по удушению освободительного движения мирового пролетариата. Промпартия не зря платила деньги Сухановым и Рубиным: сколь ни смехотворно-ничтожны были их силы, в их преданности нельзя было сомневаться: господа умеют ценить верность своих пажеев.

Судят не только четырнадцать человек, сидящих на скамье подсудимых, и даже не только Второй интернационал. Перед судом пролетариата предстает ВСЯ СУММА ИДЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛ-ФАШИЗМА. Знамя Маркса было затоптано в грязи Вторым интернационалом и вновь высоко поднято Лениным. Каутские и Гильфердинги сделали все для того, чтобы — путем фальсификаций и передержек—превратить Маркса в предшественника социал-демократических попчей-президентов и шуцманов. Нечего и говорить об их бешеной классовой ненависти к Ленину, который восстановил ортодоксальный марксизм и поднял его на новую, высшую ступень. Коммунизм и социал-фашизм противостоят друг другу не только в непосредственно-политической деятельности. Они противостоят друг другу НА ВСЕМ ФРОНТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ как внутри СССР, так и за рубежом—в том числе и на литературном участке.

Империализм сажает за решетку, преследует, притесняет наших товарищей за границей СССР—пролетарских и революционных писателей,—он подвергает моральной изоляции Ромэна Роллана,—он организует репрессии против таких радикально-буржуазных писателей, друзей СССР, как Вольф. Но он ценит услуги социал-фашизма И В ЛИТЕРАТУРЕ, ибо социал-фашистские писатели помогают ему укреплять его влияние на политически-отсталые слои пролетариата, дурманить их сознание, тушить пробуждающуюся в них классовую ненависть. В Германии и во Франции, в Англии и в других странах социал-фашизм создает свою литературную агентуру, смыкающуюся с откровенным фашизмом. Она, эта агентура, делает свое дело сейчас,—она пригодится в момент приближения решающих классовых схваток!

Российский меньшевизм также попытался укрепиться под защитной маскировкой на ряде решающих идеологических участков. Пользуясь НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ большевистских теоретических кадров в некоторых областях науки, используя либеральную ТЕРПИМОСТЬ некоторых товарищей, попадавших иной раз в плен враждебной пролетариату идеологии, опираясь на услуги таких ИЗМЕННИКОВ коммунизма как Д. Рязанов,—меньшевизм производил фальсификацию марксизма. Чем, к примеру, была РУБИНЩИНА в политэкономии (разоблаченная задолго до того, как Рубин попал на скамью подсудимых), как не своеобразным идейным вредительством, — подобно «научной» деятельности Суханова, или Базарова (или Кондратьева—Чаянова)? Борьба с различными проявлениями меньшевизма в идеологии есть борьба за идеи ленинизма, за пролетарскую культуру, за культурную революцию.

Пролетарская литературная общественность в СССР под руководством РАПП не так давно разоблачила разновидность ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО меньшевизма—ПЕРЕВЕРЗЕВЩИНУ, создавшую свою «школу» и пользовавшуюся большим влиянием в деле подготовки теоретических кадров литературной науки. Острие борьбы марксо-ленинской мысли в прошедших теоретических дискуссиях было направлено не только против ОТКРОВЕННО БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ но и против МЕНЬШЕВИСТСКОЙ разновидности последней. Разоблачение всех и всяческих проявлений идеологического меньшевизма, для которого внешний «об'ективизм» и «академичность» служат в условиях диктатуры пролетариата только формой воинствующего наступления, необходимо прежде всего для того, чтобы обеспечить идеологические позиции развертывающейся культурной революции от проникновения к этим позициям классового врага.

Пролетариат не знает чувства жалости и разоблаченной, обнажившей во всей своей мерзости гадине меньшевизма. Не знает этого чувства и советская литература, идущая в рядах строителей социализма. Будем же на страже интересов пролетариата на своем литературном участке, будем непримиримы ко всем идеям, течениям, влияниям, враждебным социализму!

ЕСТЬ НАМ ДЕЛО до ВСЕОБУЧА!

Он—некий известный писатель—часто приходит к нам в редакцию. В тесной редакционной комнатке над аккуратными типографскими гранками, над жестоко исчерченными рукописями мы беседуем о книгах, о политике, о литературных новостях.

Третьего дня, после озорной филиппики по адресу издательства, которое задерживает выпуск его новой книги, он, как всегда, поинтересовался:

— Что вы дасте в следующем номере?

Я показал ему план номера.—Вот хорошо, — добавил я, — написали бы вы нам статью о всеобуче.

— О всеобуче?—удивился писатель.— Зачем нам статья о всеобуче? Какое отношение это имеет к литературе? Нет уж, увольте!

Надо сказать, что наш гость выразил возмущенное удивление не только от своего имени: если можно так выразиться, он удивился от имени значительной прослойки нашего населения.

Цеховая замкнутость, литературное чванство, предрассудки барства еще часто проявляются среди советских писателей. Своеобразный литературный снобизм нередко приводит их к искреннему непониманию того, что важнейшие массовые кампании, крупнейшие культурно-политические мероприятия, проводимые в советской стране, не могут не вызвать—в той или иной форме—отклика, вмешательства, помощи со стороны писателей. Во многих случаях писатели готовы спросить, как сейчас:

— Какое нам дело до всеобуча?

*

На происходящем сейчас XV Всероссийском с'езде советов председатель наркома РСФСР т. Сулимов в докладе правительства РСФСР привел несколько интересных цифр, характеризующих состояние народного просвещения в республике.

В 1928—29 г. начальной школой было охвачено около 6 миллионов детей; в 1931 г. в начальных школах будут учиться больше 11 миллионов ребят.

В 1928 году на дело народного просвещения было затрачено по РСФСР 929 миллионов рублей. В 1931 году эти затраты достигают 2.039 млн. рублей. Эти цифры недостаточны по сравнению с потребностями страны в области народного образования. Но они разительны при сопоставлении с той суммой, которую расходовало на народное просвещение царское правительство вместе с земствами. Эта сумма в среднем колебалась от 200 до 211 миллионов в год. При сравнении с нашими 2.039 миллионами, как тяжелы ни были условия, которых царизм и капитал достало в деле народного просвещения.

Но вот еще несколько цифр, которых не назовешь случайными, если задуматься в их значении.

В Англии закон о всеобщем обучении был издан в 1888 году, но сейчас из общего числа зарегистрированных в школе 5 000 тысяч учащихся фактически школу посещает только 98 проц. В Бавгарии закон о всеобуче был издан раньше—в 1879 году, но сегодня там насчитывается 20 процентов неграмотных мужчин и 40 процентов неграмотных женщин. В Италии закон о всеобщем обучении появился шестьдесят лет назад, но неграмотные составляют сейчас 25 процентов населения. В САСШ закон о всеобуче впервые издан в 1852 году. В 1900 году он был повторен. И, на сегодня в отдельных штатах неграмотных в возрасте 20—25 лет насчитывается до 12 процентов.

В области народного просвещения введение всеобуча ставит Советский союз в ряд передовых стран мира.

*

План всеобуча утвержден правительством полгода назад.

— В этом плане я усматриваю пять основных составных частей, — сказал А. С. Бубнов на закончившемся недавно в Москве Первом всероссийском с'езде по всеобучу.

Первая: Охват начальной школой к нынешнему году всех ребят 8—10-летнего возраста.

Вторая: Охват всех переростков от 11 до 15 лет специальными школами-курсами.

Третья: Обязательный переход IV и V групп для всех промышленных городов, рабочих поселков и фабрично-заводских районов, (что является началом введения в этих районах обязательной школы-семилетки).

Четвертая: Расширение школ колхозной молодежи, всей основной массы которой должна быть охвачена школой к концу пятилетки.

Пятая: Борьба за качество школ и ее перестройка на политехнической основе.

Эта схема не может, конечно, обрисовать всего значения всеобуча, но достаточно бегло просмотреть ее, чтобы понять, какое ближайшее, непосредственное отношение к писателю имеет введение всеобуча в нашей стране.

Ведь за рядом с лихбезом всеобуч несет с собой грандиозный рост читательской аудитории. Миллионы и десятки миллионов людей в ближайшие же годы ставят потребителями газеты, журнала, книги. Меняется культурный профиль страны.

Касается это советского писателя или не касается?

*

Но «борьба за всеобуч — это не только борьба за количество школ, это борьба и за качество школы». (Н. К. Крупская).

— Мы строим не школу «вообще», — подчеркнул т. Бубнов в недавней беседе о с'езде по всеобучу,—а школу коммунистического воспитания и политехнического образования, где каждый шаг учебы умелся с трудом и борьбой рабочих и крестьян.

И вот это качественное замечание школы, ее органическая связь с практикой социалистического строительства, также не может не привлечь внимания советского писателя, ибо она придает школе новую роль в нашем быту, уделяет в нем школе значительно большее место.

*

Практика работы наших литературных кружков в 1930 году показала, что многие товарищи склонны к чрезвычайной вульгаризации лозунга об участии писателя в практике социалистического строительства. Эти товарищи склонны были превратить писателя в культурника и полностью загрузить его работой в разного рода бригадах, культурчерезвычайках, стенгазетах и т. п. Это, разумеется, нелепо. Это надо считать выразителем идей лучшей части передовой интеллигенции Европы.

И. С. Коган прочел несколько отрывков из писем Роллана к его московским друзьям в подтверждение основного тезиса своего доклада, что принятие идей революции Р. Ролланом логически вытекало из идеи общечеловеческой свободы, к которой он всю жизнь стремился и которая легла в основу цикла его романов — «Жан Кристоф».

В краткой заключительной речи Гросман-Рощин сказал, что драма Роллана, в которой он разделил участь большей части романтически настроенной буржуазной интеллигенции Запада, заключалась в том, что он хотел разрешить идеи человеческой свободы в буржуазном обществе. Говоря об общечеловеческом он забывал о классовом. Только принял идею пролетарской революции, он обрел, наконец, тот путь, который дал ему возможность по-настоящему разрешить все волновавшие его вопросы.

В заключение собрание, на котором присутствовало около тысячи человек, решило послать Ромэну Роллану приветственную телеграмму за его мужественную защиту СССР.

ГИХЛ ЗАДЕРЖИВАЕТ ВЫХОД ЖУРНАЛА РАПП

С января 1931 года в ГИХЛ должно было начаться издание нового двухмесячного журнала марксистско-ленинской теории и критики — «РАПП».

По сообщению с издательством первая книжка журнала должна была выйти 1 — 15 февраля. После этого производственный отдел ГИХЛ без ведома редакции выработал календарный план работ, по которому срок выхода журнала намечался на 26 февраля. Но и этот срок оказался невыполненным. Сегодня — 4 марта— журнал еще не вышел, несмотря на громадное политическое значение, которое имеет своевременный выход теоретического журнала «РАПП» в сегодняшних литературных условиях, и в частности—перед намеченным весной этого года всероссийским с'ездом пролетарских писателей.

М. БЕХЕР

СМЕРТЬ БЕЗРАБОТНОГО

Был поздний час. Еще раз вышел он из дому.
Бродил по темным улицам устало, но спеша.
Остановившись, вдруг, бессмысленно глядел кругом он.
— Теперь конец! — шептал, замедлив шаг.
Плакат кричащий: «В бой, рабочий, скорей!»
Опять медленно читать слова он по слогам.
...Я слишком слаб... Вертелся так он голова...
Простите, братья... Да... Я понимаю сам...
О, как тепло! Какой прекрасный вечер!
Светило солнце ярко так с утра.
Кафе... Огнями пышный зал расцвечен.
Фокстроты... Их не устают играть.
Придя домой, закрыл окно заботливой рукой.
Заплакали вдали дети, проснувшиеся от сна.
Работа стала жать... Хотелось успокоить...
— Шш, — прошептал. — Я ухожу.
Пусть будет тишина.
Открыл он газовый рожок. Газ вструился,
Пекла и хлудя, как мира огромный зал.
Как ветер в чаще леса, он забился...
Лес... Море... О, их никогда он не видал.
Он сел и жизнь вытянул устало.
Почувствовал в висках дрожь, — конец.
Взглянул наверх — там что-то черное мелькало.
Ах, это потолок висел — и мгла!
Вздохнул глубоко. И склонился тотчас набок.
...Он в детстве так любил мандарин...
За дверью шум. Что означать могла бы
Весна там? Ах, шаги! К нему? Но шум умелся вдаль.
Вдруг борода так выросла, казалось.
И голова на ворота тянулась вверх.
Повисли руки вяло и печально, как мочала,
И, будто отрезались. Взор померк.
А утром во-дворе все лаяла собака,
И солнце выше. Ерасило лучи в окно.
Мертвец как будто рот раскрыл.
Однако —
Глаза—сплошной белок — белы, как полотно.

Перевод с немецкого

М. КИЗОВА

МИТИНГ СВИДЕТЕЛЕЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАБСТВА

Третьего дня во втором ГОТОБ состоялось собрание свидетелей капиталистического рабства, созванное редакцией «Комсомольской Правды» и МОСПС.

Один за другим поднимались на эстраду представители рабочего класса Германии, Южной Америки, Индии, Китая, Африки, чтобы с возмущением опровергнуть очередную клеветническую кампанию, поднятую капиталистами всех мастей против Союза Советов.

От имени советских писателей выступил Н. Асеев, прочитавший новое стихотворение на тему о готовящейся интервенции. От имени Международного об'единения революционных писателей выступил т. Мато Занка.

Собранием единогласно принято обращение к трудящимся Запада и колониальных и полуколониальных стран, призывающее их к борьбе с капитализмом и к защите СССР. Собранием послана также телеграмма специальному присутствию Верховного суда СССР, с выражением протеста против предательства меньшевиков и требованием в отношении их суровой кары.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯ

* Орсекретарем РАПП избран тов. Ив. Макарьев (Северо-Кавказская АПП). Тов. Макарьев введен и в редколлегию журнала «На Литературном посту».

* Секретариат РАПП утвердил новую редколлегию журнала «Октябрь» в составе: Ф. Панферова (ответственный редактор), В. Ильенкова и А. Сурпова (заместители редактора), Ив. Макарьева, В. Ермилова, М. Шолохова, В. Ставского, И. Платошкина, А. Исбаха, Виталина (ВЦИК) и рабочего-ударника тов. Резчикова.

* Пленум совета ВОАПП созывается 17 апреля в Москве. На повестке дня: литературно-политический отчет секретариата ВОАПП (А. Селивановский); итоги и перспективы творческой дискуссии (доклады РАПП, ВУСПП, БелАПП, ЗакАПП), сообщение об организации Всесоюзного общества пролетарско-колхозных писателей; доклады Среднеазиатского бюро АПП, и о всесоюзном с'езде пролетписателей.

* Институт литературы, искусства и языка Коммунистической академии устраивает серию докладов на политические темы в связи с вопросами литературы и критики. 9 марта состоятся доклады тт. Аникимова и Динамова на тему: «Лицо капиталистического рабства» (на материале художественных произведений французских, немецких, английских и американских писателей).

* Секретариат ВОАПП решил провести Всесоюзное совещание еврейских пролетарских писателей в начале июня в Харькове. На совещании будут заслушаны: доклад МОПР и содклад о еврейской зарубежной литературе, доклад ВОАПП, доклады о положении еврейской пролитературы, о творческой дискуссии, о призыве рабочих-ударников в литературу, о еврейском театре, об издательской работе и по организационным вопросам. Избрано оргбюро по созыву всесоюзного совещания под председательством т. Оршанского и представителей от еврейской ВУСПП и БелАПП.

* ФОСП приступает к организации «литературных декадников». В марте по «литдекадникам» намечены творческие выступления Л. Леонова, Б. Пастернака, И. Сельвинского, и А. Афиногенова. Первый «литдекадник» состоится 10 марта.

* Комиссия по чистке Московской творческой группы «Кузницы» проверила и приняла 27 февраля с. г. в ряды РАПП 47 членов «Кузницы» из числа 50, проходивших проверку.

* При секретариате ЛОКПП создан штаб для руководства и проверки исполнения по весенней посевной кампании. В штаб входят: Н. Брынин (отв. секретарь ЛОКПП), Гуляев, Яцинов, Чагин (ГИХЛ) и Б. Рест («Литературная газета»).

ВЕЧЕР РОМЭНА РОЛЛАНА

Секцией переводчиков ФОСП был организован 26 февраля вечер, посвященный Ромэну Роллану, на котором выступили: А. В. Луначарский, П. С. Коган, И. С. Гроссман-Рощин и с чтением отрывков из произведений Ромэна Роллана в русском переводе С. Я. Парнок, А. М. Эфрос, А. И. Дейч.

Открыл собрание отв. секретарь секции М. А. Нитбер, который приветствовал Ромэна Роллана от имени всех литературных организаций ФОСП, указал на то огромное политическое и литературное значение, которое приобрели за последнее время выступления Роллана в защиту СССР.

С основным докладом о творчестве Ромэна Роллана выступил А. В. Луначарский. Наметив основные вехи его развития, он показал с какой логической последовательностью Ромэн Роллан постепенно перешел от интеллигентского пацифизма к идее революции и принятию единственно правильной теории ленинизма. А. В. Луначарский подробно остановился на своих личных встречах и переписке с Ролланом и в блестящей форме дал исчерпывающую характеристику Роллана, как мыслителя, художника, музыкального критика и общественного деятеля, которого по-

Печать сообщает, что известный немецкий режиссер Пискатор в ближайшее время приступит к постановке в своем театре пьесы Ромэна Роллана «Робеспьер».

Вот по существу в чем корень злобы для фашистской позиции и «дедо» об аборте только лишь повод, к которому они придрались. Фридрих Вольф активный Друг СССР и в этом его главное преступление. Нам нужно раскрыть это лицемерие социал-демократического фашизма и все революционные и пролетарские писатели должны со всей энергией поднять свой голос протеста против этого возмутительного ареста.

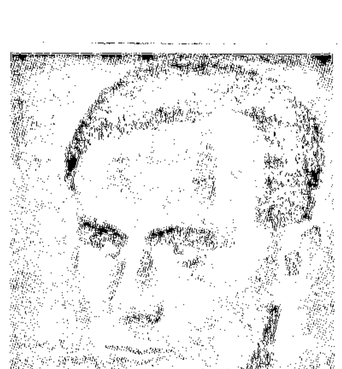
ТЕЛЕГРАММА ПРОТЕСТА.

«С большим негодованием мы узнали о возмутительном аресте известного революционного драматурга Фридриха Вольфа. Усматриваем в этом ничем неприкрытое нападение на успешный рост германской революционной литературы и попытку затемнить рот мужественному борцу против параграфа кровавого 218 (карающего за аборты). Призываем всех революционных и сочувствующих писателей и художников всего мира немедленно организовать единый фронт протеста с целью освобождения Вольфа.

МОРП, РАПП, ВУСПП, ЗакАПП, БелАПП, ВСЕРОССКОМДРАМ, ФОСП»

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

АРЕСТ НЕМЕЦКОГО ДРАМАТУРГА ФРИДРИХА ВОЛЬФА



Известный немецкий радикальный писатель и врач Фридрих Вольф арестован и привлекается к ответственности за аборты.

Наш сотрудник обратился в ответственному секретарю ЗОРП т. Белл Иллешу с вопросом об отношении секретариата к этому факту.

— Мы отправили сейчас телеграмму протеста против этого возмутительного ареста. Эти приемы фашистской социал-демократической полиции напоминают мрачные нравы средневековья. В данном случае обвинение строится не на фактах и проверенных доказательствах, а только на предположении: Фридрих Вольф врач, стоящий принципиально против запрещения аборты,—следовательно, он сам ими занимается.

Как известно, Фридрих Вольф один из наиболее популярных драматургов Германии. Он один из немногих, который сумел с большим мастерством претворить пропаганду революционных и социальных проблем в драматическое действие. Его пьеса «Цианистый калий» (идущая в Москве в театре б. Корш) явилась мощным обвинительным актом против хищнической буржуазного законодательства, запрещающего аборты. Фридрих Вольф подвергается нечеловеческому террору, чтобы прекратить его революционную практику своих революционных идей. Он энергично выступал в защиту СССР против подготовки империалистической войны и даже заявил в телеграмме, посланной писателю Горькому, что человечество избавится от опасности империалистической войны только под руководством коммунистической партии.

Вот не существу в чем корень зла для фашистской позиции в «деле» об аборте только лицемерный повод, к которому они придрались. Фридрих Вольф активный Друг СССР и в этом его главное преступление. Нам нужно раскрыть это лицемерие социал-демократического фашизма и все революционные и пролетарские писатели должны со всей энергией поднять свой голос протеста против этого возмутительного ареста.

ТЕЛЕГРАММА ПРОТЕСТА.

«С большим негодованием мы узнали о возмутительном аресте известного революционного драматурга Фридриха Вольфа. Усматриваем в этом ничем неприкрытое нападение на успешный рост германской революционной литературы и попытку затемнить рот мужественному борцу против параграфа кровавого 218 (карающего за аборты). Призываем всех революционных и сочувствующих писателей и художников всего мира немедленно организовать единый фронт протеста с целью освобождения Вольфа.

МОРП, РАПП, ВУСПП, ЗакАПП, БелАПП, ВСЕРОССКОМДРАМ, ФОСП»

„ВОЙНА и МИР"

Под таким заголовком опубликована во французском журнале «Эроп» анкета о военной опасности, вызванной недавним выступлением Томаса Манна, который призывал Францию и Германию к совместному сотрудничеству против войны. Томас Манн заявляет, что война при теперешнем социальном кризисе Европы, должна неизбежно окончиться гибелью капиталистической системы, которая и теперь, как он сам торжественно напоминает, держится в Германии только благодаря усилиям социал-демократов.

Но французские писатели, как тот требуют традиции мелкобуржуазного гуманизма, как-будто не замечают, от чьего имени выступает Манн и прибегает к единению «интеллигентской» культуры и классовой Европы. На отпущенных выступлениях писателей, как Вильдрак, Дюртен, Барюс, Брегье, Кесель и др., только один Кесель в какой-то степени раскрыл существо вопроса, указав, что призыв к об'единению Франции и Германии под видом сохранения мира в Европе направлен фактически против СССР. Уверения, что миру угрожает главным образом французско-германская война, кажутся особенно «наивными» и горячие заботы о мире ожидания оказываются прикрытием, за которым происходит подготовка к войне против Советского союза.

**

Людвиг Ренн, германский революционный писатель, должен был выступить в Вене с докладом о пролетарской литературе и чтением отрывков из своих произведений. На границе он был задержан по распоряжению премьер-министра Реннер запрещен в'езд в Австрию без указания причин.

Австрийский союз пролетарских писателей организовал по этому поводу кампанию протеста. Вечер Ренна, на котором с докладом от ССР и чтением отрывков выступили вместо Ренна члены союза, превратился в митинг протеста против произвола австрийской демократии.

**

На выставке советского фото в клубе в Лондоне Бернард Шоу выступил с речью, посвященной советскому кино и в частности советскому кино. Сравнивая советские фильмы и продукцию Голливуда, Шоу говорит: «Я не знаю, сохранил ли еще Голливуд способность краснеть и уверен, что британских неудачников Голливуд не научило не может заставить краснеть. Но когда увидишь русскую фильму и подумаешь о том, что русским не на минуту не приходится прибегать к вранью—к этому позорному убежищу разлагающегося искусства,—приходится пожелать, чтобы советы гризли к нам и привили на себя руководство нашим кинобизнесом». «Мне кажется, продолжал Шоу, говоря об отношении Англии к СССР, что в тех кошках, по которым на нее особенно нападают, советская власть поступает правильно. Мы ведем себя по отношению к России бестактно, мы распространяем о Союзе самые чудовищные слухи. Если бы у нас было умение на два пенса, мы должны были бы в качестве воспитательного средства и предлагать в распоряжение России наличный финансов для развития ее промышленности».

МАСКИ ДОЛОЙ

Третья грань триединого контрреволюционного заговора предстала перед пролетарским судом. Рамзин-Кондратьев-Громан—три различения единой организации, отличающиеся друг от друга по названию, но совершенно одинаковые по целям и средствам их достижения. Низвержение советской власти, разгром завоеваний пролетариата, восстановление власти капиталистов и помещиков, превращение СССР в иностранную колонию, а 160 миллионов ее населения в рабов титанический удар по международному революционному рабочему движению,—вот их цель. Вредительство для срыва нашего социалистического строительства и обострения наших затруднений, организация расстройства снабжения населения товарами и продовольствием, подготовка восстаний и диверсионных действий навстречу вооруженной иностранной интервенции,—вот их средства. А деньги для этой работы они получали и от иностранных военных штабов, и от некоторых иностранных консультов в Москве, и от белогвардейских эмигрантов, и от II «социалистического» интернационала. Можно ли найти больше доказательство полного единомыслия между Лукомским, Жевачем, Рамзиным, Громаном, Ларом и Абрамовичем? Обвинительное заключение является убийственным документом не только для сидящих на скамье подсудимых, но для меньшевиков и соглашателей всех стран и мастей, для всего II интернационала.

Но если Рамзины являлись представителями крупного капитала, если Кондратьевы были выразителями антитезов кулачества, то на какие же слои населения пытались опереться меньшевики? Это вопрос, на который не сумели ответить подсудимые по той простой причине, что таких слоев населения нет. Громан и компания пекутся о служащих, о среднем техническом персонале, но эта категория не является ни классом, ни группой, а расслоившимися единицами, не представляющими социальной силы. Разгадка в другом. «Скажи мне, кто тебе платит, и я скажу, что ты делаешь». И если меньшевики называют себя членами Российской социал-демократической рабочей партии, а получают деньги для своей деятельности от капиталистов и от II интернационала, то это с исчерпывающей полнотой лишний раз доказывает, что и социал-демократическая «рабочая» партия, и II интернационал кликом и палкой стали агентурой капитализма и сохранили старые этикетки только для лучшего сбыта контрреволюционного товара: азохн подделка удастся. Является меньшевистский «Социалистический вестник», разъясняя Абрамовича и кричит о том, что они являются защитниками рабочего класса, а в кармане их незримо лежит золото, полученное от махрово-черносотенных капиталистов.

В деле окончательного разоблачения корней капиталистического предприятия с торговой расточно и на выпос. существующего под вывеской «II социалистический интернационал» и его секции — «Российская социал-демократическая рабочая партия меньшевиков, — начавшийся процесс сыграет крупную роль не только для нас, но и для всего мирового рабочего революционного движения.

Громан, Суханов, Гинзбург, Шер, Якубович, Сокольников, Вальцин, Войков, Истомин, Фидлер-Елизаветский, Берлацкий, Инов, Тейтельбаум, Рубин, Дан, Абрамович и компания пришли к ногам белогвардейского и иностранного капитала свой подлинный стаж бывших революционеров и измазанные ими грязью и позором, когда-то славные знамя РСДРП. Они поступили на службу буржуазии, стали шпионами и провокаторами в нашей стране, подготовляли иностранную интервенцию, распределяли с Рамзиным и Осадчим министерские портфели во «временном правительстве» и выторговывали часть их себе, причем опору для себя, в качестве министров, видели в штыках вооруженной банды и карательных отрядах генерала Лукомского... Чего еще нужно для того, чтобы без всяких колебаний опустить тяжелый меч пролетарского правосудия на головы предателей, чтобы перед лицом пролетариата всего мира заклеймить позором весь II интернационал?

Для нас в этом процессе есть и еще один очень важная сторона. Белогвардейские шкурники-меньшевики с чрезвычайным вниманием и с величайшей симпатией относились к «левому» и правому уклонам в нашей коммунистической партии большевиков. Они авторитетно заявляли уже троцкистов в числе своих злейших сторонников. Они видели помощь своей предательской работе в стараниях правых уклонистов исказить генеральную линию партии. Они правильно учли, что как «левый», так и правый уклоны льют воду на их мельницу. И это служит лишним доказательством тому, что твердость, о которой ленинское руководство ВКП ведет борьбу с уклонами и извращениями генеральной линии партии, не может быть ослаблена. В эпоху обострения классовой борьбы, в период мощного развертывания социалистического строительства в СССР и жесточайшего кризиса капитализма во всем мире, во время быстрой дифференциации классов, приближающей час последних и решительных боев между пролетариатом и буржуазией со всеми ее прихвостнями, нет места мягкости и полусочувствию в рядах рабочего класса. А больше, чем когда бы то ни было должны существовать монолитность и тесное единство всех трудящихся в деле защиты СССР от всех врагов, от иностранного нападения и на фронте нашего социалистического строительства.

Дм. СВЕРЧКОВ

От нашего корреспондента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

4 Чистка ЛОКПП. — Чуждые идеологии и „случайные мировоззрения". — Перед большевистской весной. — Бумажное шефство бумажной фабрики

Максим Горький в известном письме к небезызвестному поэту, посетившему Алексея Максимовича в Италии, отметил, что и писателю не мешает быть грамотным. Другого мнения — критик и поэтесса З. Нарежная.

На чистке ленинградского отделения ЛОКПП она, продемонстрировав полную политическую и литературную безграмотность, заявила, что в этом ничего необычайного нет.

— В нужный момент я могу подготовиться по любому вопросу.

Критик З. Нарежная, до самой чистки скрывавшая свое дворянское происхождение, занимала пост «литературного часового». Она должна была следить за идеологической выдержанностью и формальным качеством крестьянской и пролетарско-колхозной литературы.

Впрочем, некоторые члены ЛОКПП считали, что качество и идеологическая выдержанность в художественном произведении несовместимы. Например, драматург Д. Щеглов (автор «Нурии», «Перед-чата» и др.) проповедывал такую «теорию»: в идеологических срывах обвиняют тех, кто... хорошо пишет. Д. Щеглов выдвигал поэтому такие лозунги: «Будем писать плохо, не будем писать». Другой писатель — Н. Кузнецов (б. дворянин) писал «безотносительно к своей идеологии». Н. Кузнецов выступал в 1914 году с ура-патриотическими рассказами; сейчас он описывает советскую действительность, опять-таки, независимо от своего мировоззрения.

— Мировоззрение у меня случайное, —заявляет Н. Кузнецов.

Он вступил в ЛОКП в декабре 1930 года. Его прием в организацию призвал ошибкой. Комиссия по чистке эту ошибку исправила, исключив Н. Кузнецова вместе с З. Нарежной, Д. Щеглозым и другими чуждыми, случайными людьми из рядов пролетарско-колхозных писателей.

Из 66 писателей ЛОКПП, прошедших чистку в Ленинграде, исключены 16 человек. Кандид, подлежали всех 16 писателей. На границе их не задержали. Чистка ЛОКПП не должна закончиться. Проверка своих рядов, очищение их от всего чуждого и тормозящего, пополнение рядов пролетарско-колхозных писателей новыми кадрами ударников совхозов и колхозов — вот задачи, возведенной работы ЛОКПП. Чистка ставит перед ним и другую важную и неотложную задачу. Несколько вечеров в Доме печати, посвященные открытым собраниям по чистке, показали низкий политический и литературно-теоретический уровень большинства писателей — членов ЛОКПП. Даже писатели-коммунисты иногда затруднялись отвечать на элементарный вопрос политической и литературной грамоты. Литполитликбез — в первую линию не только для «попобращенцев» пролетарско-колхозной литературы, но и для писателей-ударников.

**

Призыв колхозников и совхозников к литературу в Ленинградской области принимает конкретные формы. С каждой почтой из районов получаются сообщения о новых литкружках в коммунах и колхозах. Литературно-творческие силы коммун и колхозов готовятся к большевистской весне.

Секретариат ЛОКПП предложил 30 районным отделениям и 76 литкружкам принять участие в весенней посевной кампании. Кружковцы и писатели должны выступить не только как летописцы ударной весны, но и как организаторы — вдохновители большевистского сева.

Большое место в «посевном плане» ЛОКПП занимает творческий раздел. Сему будут посвящены все литстраницы районных газет и мартовский, апрельский и майский номера органа ЛОКПП «Перелом»: в журнал включаются произведения призывников-ударников, построенные на местном фактическом материале. Вместе с ГИХЛ ЛОКПП выпускает творческий сборник и многотиражную литературную газету, посвященную посевной кампании. Районные отделения выпустят 15 типографских творческих сборников с общим тиражом до 100.000 экземпляров.

Для проведения кампаний предполагается выезд 20 бригад ЛОКПП.

Посевные планы ЛОКПП должны быть выполнены. Большевистский сев, лучшие ударники которого будут присланы в пролетарско-колхозную литературу, — первый политический экзамен ЛОКПП.

Директивы даны, дело в проверке исполнения. Мы знаем, что часто хорошие решения остаются пунктами протоколов.

**

Очень много хороших пунктов имелось в шефском договоре, заключенном в ноябре прошлого года между писчебумажной фабрикой им. Зиновьева и ленинградским месткомом писателей. Шефство фабрики для месткома означало пролетарский букинар, который должен был ускорить поворот лицом к производству профессиональной ячейки писателей. Рабочие фабрики должны были создать пролетарскую среду, промтарское влияние в профессиональном коллективе, обслуживающем сейчас только трудовую интеллигенцию — работников пера. На шефство бумажной фабрики пока что выливалось лишь на бумаге шефского договора. Свои обязательства по встречному культшефству месткома писателей более или менее выполняет. Партийные же и профсоюзные организации фабрики им. Зиновьева ограничиваются в лучшем случае обещаниями. Представители фабрики не участвуют в работе месткома. Даже во время перевыборной кампании, когда рабочие фабрики были привлечены к работе месткомского избиркома, никто из представителей фабрики не явился ни на одно заседание.

Местком писателей собирается сейчас через областной отдел союза печатников-бумажников предъявить рабочим фабрики им. Зиновьева общественный иск.

Б. РЕСТ.

Ленинград.

ЗА ПРАВДУ СОЦИАЛИЗМА, ПРОТИВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛЖИ

Силы капиталистической реакции и их агенты Рамзины, Кондратьевы, Громаны стягиваются для новой попытки организовать наступление против СССР. Кампания о „советском демпинге", „принудительном труде" и т. д. является предварительной подготовкой интервенции. Бесстыдство, лицемерие, цинизм этих „обвинений", которые выдвигает против нас классовый враг, очевидны каждому, и внутри Советской страны басни о „рабстве" не нуждаются в опровержениях. Но советские писатели не могут остаться равнодушными к самому факту интервенционистской кампании против СССР. Наша задача—мобилизовать правду социализма против капиталистической лжи. Показ достижений социалистического строительства—вот наш ответ. И навстречу—разоблачение действительного рабства, существующего в капиталистических странах. Произведения не только пролетарских, но и мелкобуржуазных писателей Запада дают огромный документальный материал, рисующий потрясающие картины капиталистического рабства. Мы зовем революционных писателей всего мира на отпор интервенционистам, на встречное наступление—за социализм!

„СВОБОДА" труда в АНГЛИИ

АНГЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ ИЗОБЛИЧАЮТ РАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ

Английскую буржуазию охватила священная тревога за «рабское» положение пролетариата в СССР. Твердолобые чувствуют себя мессиями, призванными спасти цивилизованный мир от «ужасов» социализма. Но каковы «прелести» капиталистического труда? Не потому ли вопиют новые спасители человечества, что коммунистический труд в стране социалистического строительства является отрицанием труда капиталистического, подневольного, рабского.

Да, именно поэтому! Это подтверждают не только факты экономики и политики, но и „факты" художественные. Английская литература есть тягчайшее обвинение английского капитализма в том, что он есть основа рабского ужасающего труда, что рабочий класс Англии поставлен в условия невыносимой эксплоатации. Английские писатели выступают обвинителями английского капитализма.

Мы намеренно не обращаемся к писателям-коммунистам, хотя именно они с наибольшей об'ективностью изображают общественные условия Англии. Мы берем художественные документы социал-реформистских писателей, активных деятелей лейбористской партии или членов этой последней. Не менее любопытные материалы дают буржуазные и мелкобуржуазные художники.

Джемс Уэлш—видный работник лейбористской партии, член парламента. Он утверждает, что все, о чем он пишет—не выдумка, но результат опыта: Джемс Уэлш с 12-ти лет спустился в шахту и знает быт рабочих. Несмотря на свой реформизм, Джемс Уэлш вынужден показать всю тяжесть капиталистического труда. Шахта для него—это какое-то страшное чудовище, пожирающее людей.

Вот описание, которое он дает в романе «Подземный мир».

«Огромные колеса с бесконечным канатом на вышке, над шахтой, казались страшными чудовищами в своем никогда не прекращающемся вращении: они с шумом вертелись, и из черных глубин поднимались все новые и новые грузы угля. Зияющая черная бездна с колеблющимся проволочным канатом, быстро убегающим вниз, в бездонное черное жерло, притягивала и пугала детей. Колеса вертелись, трещали, скрипели, стонали, рычали, иногда они вдруг замолкали на секунду, как бы собираясь с новой силой, и снова начинали кричать и рычать в бессильной злобе.

Роберту казалось, что это кричит и стонет плененное чудовище гигантской силы, которое было во сне опутано и связано и, проснувшись, увидало себя бессильным бороться со своим покорителем — лилипутом-человеком».

В том же романе Уэлш дает образ девочки Мизи, вынужденной идти на работу в шахты за шесть шиллингов и шесть пенсов в неделю (около 3-х рублей!).

«Мизи не слышала: «шесть шиллингов и шесть пенсов в неделю»—звенело непрерывно у нее в голове и все собой заглушало. Монотонное скрипенье платформ с углем, двигавшихся мимо назад и вперед, походило на непрерывно повторяющийся припев: «шесть и шесть пенсов в неделю»; «шесть и шесть пенсов в неделю»—слышалось в каждом скрипе колес, в вызваньи и шуме машин, в гуденьи канатов. И каждый раз, когда ее маленькие руки, уже окровавленные, через определенные промежутки поднимали камни и отбрасывали их в сторону, неизменно звучал припев: «шесть и шесть пенсов». Она сама была частью припева, одной нотой в фортиссимо промышленности».

Прекрасная иллюстрация к «человеколюбию» твердолобых! И главное, сделанная одним из их лейбористских друзей. Не случайно бывшая работница, социал-реформистка Этель Холдсуорт дала своему роману из жизни рабочих название «Рабство».

В свое время Аристотель провел такое различие между рабом и рабочим: «Работать на отдельного человека — значит быть рабом; работать для публики—значит быть наемником и рабочим». Работать на капитализм—это значит быть и наемником, и рабом». Вот она, страница из романа Этель Холдсуорт **о рабстве рабочего класса в Англии:**

«Пожар на фабрике Барстока увеличил на несколько сот человек ту армию **рабов,** которая ежедневно осаждала ворота других фабрик города в туманные, пронизанные изморозью утра зимы. Дав свое имя и адрес, эти несчастные пленники домой, чтобы, сидя у тлеющего огня, сознавать собственную ненужность. Агенты по страхованию жизни перестали заглядывать в некоторые дома. Кое-где пианино перешло из одних рук в другие, из рук рабов без работы в руки **рабов,** задавленных ею. Общее состояние внутри фабрики и требования к рабочим достигли такой напряженности, что работающие счастливчики выходили оттуда с вечерним гудком похожими на обесцвеченное и совершенно сникшее тряпье. Все оскорбления переносились с крепко стиснутыми зубами. Проспать и проснуться во время последнего гудка на работу значило, задыхаясь, выскочить полуодетым в сырую тьму, без крошки еды, без капли питья, и страшным призраком мчаться в смертельном ужасе сквозь тускло освещенную завесу измороси».

Вот другая жуткая страница «Из записной книжки шахтера» Роджера Даталлера, помеченная 2 марта 1923 г. (за восемь лет положение стало не лучше, а хуже):

«Или полтора миллиона.

Что вы на это скажете? Мы такие же люди, как вы. Когда вы нас колете, разве у нас не течет кровь? Когда вы нас щекочете, разве мы не смеемся? Если вы нас отравите, разве мы не умрем? И если вы нас угнетаете, разве мы не отомстим?

Кто ты, читатель этих строк? Какими ты сведениями располагаешь? Неужели мы все еще колотим жен, бродяжничаем и питаемся впроголодь? Неужели мы хищные кондотьеры кино-прессы? Или же мы, нажив сказочные суммы, промотали свои богатства на шумную жизнь, на дорогие рояли и меха? Вот что говорит буквально, что говорит воскресная пресса. И положительно изумляешься, как такие вещи попадают в печать. Неужели люди, пишущие такие мерзости, верят печатному слову? Возможно.

Взглянем на них снисходительно и допустим, что верят».

Маркс говорит в «Капитале», что в капиталистическом обществе «средства производства превращаются в средства подчинения и эксплоатации производителя, уродуют рабочего, делая из него неполного человека, понижают до роли придатка машины, с тяжестью труда отнимают его содержательность, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда». Рабочий превращается в придаток к машине, капиталистический труд есть условие их неполного человеческого существования. Произведения социал-реформистских писателей (как вышеприведенные, так и романы и рассказы Джо Керри, Роуленда Кенни, Стасея Хайда, Орма Эгнеса) дают этому полное подтверждение.

Карлейль в одном из своих памфлетов дал очень злое и очень верное изображение буржуазного общества. Настолько верное, что **оно целиком может** быть применено и к теперешнему капитализму. Карлейль пишет:

«Предположим, говорит он, что свиньи (я имею в виду четвероногих свиней), получив дар чувствительности и высоких умственных способностей, усвоив известную культуру, сумели бы после опытов и размышлений изложить, подобно нам, на бумаге, свои мысли относительно вселенной, относительно своих интересов и обязанностей: эти идеи могли бы заинтересовать публику, способную, подобно нашей публике, к суждению, и в грубой форме сводились бы к следующим отдельным положениям:

Вселенная,—насколько позволяет судить здравая логика,—есть огромное корыто для свиней, оно состоит из твердых и жидких тел и других контрастов и видов, а в особенности из достижимых и недоступных помоев, причем последние встречаются бесконечно чаще для большинства свиней.

Поэзия свиней заключается в прославлении повсюду в мире превосходства помоев и молотого ячменя, а также счастья свиней, имеющих хорошие корыта и сытые желудки. Хрю.

Свинья знает погоду. Она должна держать нос по ветру, чтобы знать, какая будет погода.

Кто создал свинью?—Неизвестно. Может быть, колбасник».

Определите все обязанности свиней. Миссия свинского рода во всем мире и долг всех свиней во все времена — уменьшать количество недостижимых и увеличивать количество доступных помоев. Все знания и вся промышленность, все усилия должны быть направлены к этой цели,—притом исключительно к этой цели. Свинская наука, свинский энтузиазм, свинское самоотвержение, могут иметь только эту цель! Таков список свинских обязанностей».

Английские рыцари «свободного труда» весьма напоминают этих героев Карлейля. Их «поэзия»—в прославлении капиталистического труда, «в прославлении превосходства помоев» буржуазного общества. Наше социалистическое строительство опрокидывает капиталистическое «корыто»—отсюда новые попытки организации блокады и интервенции. Но рабочий класс помнит слова Маркса, что пролетарии «должны уничтожить условие своего собственного существования, являющееся в то же время условием существования всего теперешнего общества, т.-е. должны уничтожить труд». И капиталистический труд будет уничтожен.

Эгон Эрвин КИШ

„ЧУДЕСА" ГОРОДА ЧИКАГО

Станция первой помощи при заводе Западной электрической компании, изготовляющей телефонные аппараты.

На двенадцати стульях сидят истекающие кровью люди. Одному бреют голову, другому промывают на колене рану; у многих отрезаны пальцы; на одном из операционных столов лежит человек с переломанной рукой.

— Около ста, — бросает сестра на вопрос, сколько несчастных случаев у них бывает в день.

Не пугайтесь! Если бы здесь было ежедневно 340 увечий, то это составило бы только один процент, ибо в Западной электрической компании занято тридцать четыре тысячи рабочих, а состав их так часто меняется, что у каждого рабочего весьма много шансов в любой момент остаться без пальцев или потерять все четыре конечности.

*

Следовало бы осмотреть всемирно известные чикагские бойни. Должны же вы, господа, удостовериться, что наше предприятие устранило все описанные в романе «Джунгли» неаппетитные явления.

Для руководства при осмотре фабрик фирма снабдила своих гидов серией книжек, где указано, как надо отвечать на «неудобные» вопросы посетителей. Эти вопросы и ответы гид должен выучить наизусть, а книгу никому не показывать.

Из этой книги выписываю у себя следующее:

Вопрос. Как выдерживают работницы в упаковочных такую быстроту движений рук?

Ответ. Девушки любят щегольнуть перед посетителями быстротой своих движений. Мы их всячески удерживаем от чрезвычайной торопливости.

Не угодно ли? Все как одна, — эти чикагские работницы весь день работают спустя рукава, но как только появится посетитель, их ножки начинают гнать педаль машины во весь, а ручки: делая—раз, прямая—два в таком темпе, что у посетителя начинается головокружение. Да, головокружение!

Но нас не проведешь! Неужели чикагские упаковщицы так хотят нас удивить и нам импонировать, что все они — и в типографиях, в транспортных конторах, на Эгтинской часовой фабрике, на Гарвестерском заводе сельскохозяйственных машин, — начинают работать с сумасшедшей, угрожающей их жизни скоростью, как только мы к ним приближаемся.

Но разрешите нам, г-н гид, маленький вопрос. — А как же с конвейером? Каким образом этот конвейер узнает, где и когда появится посетитель? Как это конвейер именно тогда и впадает в свой бешеный бег.

Еще **вопрос.** Как выдерживают рабочие эту атмосферу с ее запахом крови и выделений, с ее жарой и соответствующим холодом в холодильниках?

Ответ. Они снабжены специальной одеждой, защищающей поры.

Сорок два с половиной цента в час, при сорокачасовой рабочей неделе,—составляет заработок убойщика. Сверхурочные часы оплачиваются отдельно. Шестьдесят восемь долларов в месяц; это более чем тощий заработок рабочего в самой «сытной» отрасли американской промышленности.

Рабочие в большинстве — поляки и негры. Но с неграми, почти сплошь знающими язык страны и имеющими какие-то возможности организованно об'единиться, стало теперь гораздо труднее справляться, и их все чаще и чаще заменяют мексиканцами. Агенты раз'езжают по Мексике для вербовки рабочих и отправляют их вместе с семьями в Северную Америку, куда не всякий, несмотря на нужду, может собственными силами переселиться. Чем многочисленнее семья мексиканца, тем лучше для агентов, ибо этим его свобода передвижения совершенно парализована. В настоящий момент мексиканец обречен на самую жестокую эксплоатацию и максимальное снижение заработной платы.

*

За исключением фордовских мастерских в Детройте и заводов Генеральной электрической компании в Нью-Йорке, нет более мощных гигантов индустрии, чем в Чикаго. Этот новый город все растет и растет, все выше и шире. Его население увеличивается на семьдесят тысяч человек ежегодно.

Прекрасная, сверкающая набережная вдоль озера Мичигана — мичиганский бульвар, — называемый парижанами «Буль Миш»! На нем и на смежных улицах небоскребы стройно тянутся ввысь.

Но несмотря на то, что Чикаго центр гигантской индустрии, где сосредоточены: вся хлебная торговля, весь мясной экспорт, все крупнейшие транспортные конторы, он—сам по себе бедный город.

Миллиардеры проводят осенний сезон в Нью-Йорке, летний — у моря во Флориде, зиму—в Калифорнии. Иногда они гостят в Ницце.

В самом Чикаго живут очень немногие из крупных богачей, так как, помимо озера Мичиган и пляжа, помимо бульвара «Буль Миш», этот город представляет собой хаос из дыма, вони и грязных луж, город полный преступников и сусальной нищеты...

*

Небоскребы фотографируются, их описывают, о них рассказывают. Но деревянные дома Чикаго никто не фотографирует и о них не пишут. Вряд ли в Европе найдется что-либо более убогое, более жалкое и плачевное. Горные пещеры Армении, глиняные мазанки Бессарабии лучше этих гнилых трущоб.

Все они похожи друг на друга, и как бы они ни были малы, они разбиты на три—четыре «квартиры», и каждую из них хозяин расценивает в 25—30 долларов в месяц. Эта средняя цена выколачивается благодаря тому, что в каждой такой «квартире» устроены в 2 яруса восемь спальных мест. Дети спят тут же в корзинах или ящиках.

После того, как вагон воздушной дороги покидает торговые части города, вы уже мчитесь мимо этих убогих лачуг. И чем дальше к юго-западу, тем мрачнее вокруг.

Тут, даже нет еще канализации. И так же, как эти конуры при сопоставлении с пышными дворцами вопиют вопиющей несправедливостью, так и ужас этой санитарной небрежности особенно отчетливо выступает, когда знакомишься с грандиозными гидравлическими и осушительными работами города Чикаго.

Реку Чикаго, которая с сотворения мира впадала в озеро Мичиган, вдруг отвели, потому что вода из озера нужна для городских нужд и для питья, а река, омывающая весь город, могла бы ее загрязнить. Раньше это никого не смущало, но смертность от тифа стала угрожающе повышаться. А это могло уменьшить шансы на достижение главной цели, лихорадочно преследуемой всем городом Чикаго,—довести численность населения до нью-йоркской цифры.

И вот заставили реку изменить свое направление.

Но и теперь нельзя брать воду прямо с берегов грязного, болотистого города. Пришлось на расстоянии нескольких километров от берега в самом озере построить четыре водонапорные башни; для этого под скалистым дном были пробиты тоннели — (сооружение стоило миллион долларов)—и они направили новые подземные потоки, более мощные, чем река Чикаго, к двенадцати водопроводным станциям города Чикаго.

Одна станция на западной улице обошлась в четыре миллиона долларов! Четыре миллиарда метров воды в день гонят эти станции во все части города. Вода дезинфицируется хлористыми газами и другими сложными способами.

Чудо, что такие гигантские сооружения могли быть воздвигнуты, несмотря на взяточничество и злоупотребления, несмотря на то, что миллионы ассигнований на санитарные нужды расхищаются по карманам власть имущими.

Когда умер Гете, когда Бисмарк родился, здесь, над высокими травами прерий завывал только холодный ветер. Вокруг не было ни одной хижины.

Девяносто лет назад здесь был тихий прибрежный поселок. Шестьдесят лет назад — только мясная торговля и хлебный рынок.

Сейчас Чикаго — побивает мировые рекорды.

Это значит, что: три миллиона человек при ужасающих условиях питания, работы, жилья, в большом душевном напряжении бегут, продают, покупают, друг друга потопляют для того, чтобы два-три миллиардера могли положить себе в карман лишний миллиард, а к концу своих дней основать на небольшую часть своей наживы богоугодное заведение.

Перевод Д. Л. КАРМЕН

Эгон Эрвин Киш

ПИСЬМО к ЧАРЛИ ЧАПЛИНУ

У меня нет непосредственной связи с западно-европейскими и американскими писателями.

Мне даже неинтересно знать, что думает о войне Уэлс.

По книгам кажется он мне человеком, не умеющим смотреть вперед, его технические утопии бедны, машина времени, двигаясь во времени, разбила у него стекло.

Аэропланы он предлагал надувать газом.

Я знаю Уэльса. Был с ним в Ленинграде, говорил ему в доме искусств о политике Антанты и получил вежливый ответ, что «политика эта ужасна, но она не изменится».

Дело в том, дорогой Чаплин, что люди в белых воротничках не отвечают за действие своих правительств, и кажется, им, что железные дороги ходят сами по себе, тюрьмы строят сами по себе, хлеб растет сам по себе.

А они ходят «в дельные» — смотреть вас в кинематограф.

Мы знаем в своей стране, как растет хлеб и как режут дороги, и где растут те деревья, из которых делают дрова, и знаем, что дрова нужно рубить, а землю пахать.

Это значие делает труд обязательным.

Я часто видел вас, Чарли Чаплин, на экране с поднятым воротником пиджака. Значит у вас холодно. У нас холодней.

Есть еще одна подробность, которая отличает нас от вас.

Если скрипач, певец, писатель — настоящие люди, то работа доставляет им удовольствие.

Вот мы думаем, что это есть настоящее отношение к работе.

Так как вы великий техник экрана, то на вас приятно смотреть, когда вы что-нибудь делаете.

Пожалуй, лучше всего на экране, за мою память, вы обедали ботинком.

Интересно поговорить с вами. Вы получаете много писем. Вот еще одно.

Сообщаю вам, что в нашей стране вас знают меньше, чем в других странах, и так как я письмо это печатаю, то для того, чтобы читатель ждал ответа от вас вместе со мной, я попросил приложить к моей статье рисунок.

Вы на экране в котелке, в стоптанных ботинках с чужой ноги, в спущенных брюках, в смокинге, если я не путаю названия этой части туалета, с тросточкой, в галстуке.

Вашей славой покрыта земля, но на экране вы всегда грустны.

Вы сделали свой трюк из вида тысячи людей в белых воротничках, тысячи клерков Лондона.

Они одеваются, как те, другие, которые богаче, вероятно; они носят их сношенное платье. Потому вы одеты так явно во все чужое.

Я видел вас много и вы всегда старались сохранить чувство собственного достоинства: вися вниз головой, вы поправляли галстук.

На языке тех, кто подобен вам, у вас — «все как у людей».

Вы представляетесь мне, Чарли Чаплин, западно-европейской и американской демократией. Зритель вас любит потому, что жалеет себя. И среди всех несчастий, которые вы испытали, он все же редко заставляет вас работать, потому что увидеть вас клерком, как себя самого, было бы слишком большим испытанием для клерка.

Мне кажется, Чарли Чаплин, — это невежливо в письме, — что ваша слава, ваш облик в Европе, оставшись славным, стал менее народным. Мне кажется даже, что вы несколько уходите от экрана в сторону за кадр, на место режиссера.

И снимаете уже не себя, не свою судьбу.

Я знаю, что у вас нет усов, что вы еще молоды, состоятельны и знакомы с целым рядом моих знакомых.

Каково ваше мнение о фашизме и демократии?

При фашизме Чарли Чаплин вероятно носит уже подтянутые брюки.

Мне кажется, что ваш величественный закат на Западе, — закат на Западе явление обычное — это — вот закат мелкой буржуазии, которая не допускает даже роскоши жалеть себя.

Какой такой Чарли Чаплин при Муссолини и при кризисе?

Ведь вас жалели люди в белых воротничках, немножко лучше вас одетые, жалели сверху. Ваши бедствия стали всеобщими, а ваша походка...

Это звуковое кино, вы играете в нем роль глухонемого, а оно играет вокруг всеми инструментами джаз-банда.

Веселитесь.

Вы многочисленны, Чарли Чаплин, скажите же —

Если будет война, будете ли вы ей сопротивляться? Но сумеете ли вы быть не мобилизованным?

Или вас уже подтянули и вы одеты в тяжелые, чужие, но прочно подобранные по ноге ботинки?

Вы лучше всех знаете зрителя. Напишите — изменился ли он.

Напишите о законах сегодняшнего смеха.

О том, любят ли сегодня в американских экранах — несчастье новейшего и сменное положение богача.

Если бы вы прислали мне конспект одного из своих последних сценариев, то я несколько бы больше понимал Запад.

Напомнил мне о вас, хотя я вас хорошо знаю, Стефан Цвейг в других мыслях, которые в ответ на наши письма, на письма моих товарищей поправляет галстук и представляет, что сейчас в мире не происходит ничего особенного.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

КОРН. ЗЕЛИНСКИЙ

БРОДЯГИ

По Западу пошли «бродяги»—так метафорически можно определить успех нового романа Кнута Гамсуна. Их переводят на все языки. Они проникают во все страны.

Они пришли с севера Норвегии, где каменные берега источены фиордами. Там есть деревушка Полен. Ничем не замечательное поселение. Совсем даже бедная жизнь. Вся надежда с'ездить на рыбную ловлю в Лофоты. Мокрые сети. Запах трюма небольшого парусника. Сушка трески на скалах. И вот тут живут люди, которые вселились в Гамсуна. Да, именно—вселились, с такой необыкновенной жизненной правдивостью встают они в романе. Они делают свое дело: чинят снасти, судачат, ворчат, пашут землю, веропомствуют, мечтают, убивают, любят. Такова жизнь,—с мерцанием и величием, достаточно полная, чтобы занять вас, и достаточно скупая, чтобы задевать лишние вопросы или понуждать ее изменять—так хочет подсказать вам внутренний ритм романа, это спокойное дыхание автора, дыхание мудрости, моря и седины. Это, так сказать, музыкальный фон романа. Но там происходят и события, там есть сюжет, движение, люди. Они складываются в иной ответ, и мы читаем слова, которые положены на эту музыку.

На что же этот ответ? На какие вопросы? «Бродяги» Гамсуна—это, в сущности, роман «о смысле жизни». Здесь снова, на исходе дней, семидесятилетний Гамсун еще раз ощупывает и проверяет основные нити, из которых он связал свою жизнь. В «Бродягах» мы узнаем знакомые мотивы и «Детей века» и «Соков земли» и даже «Голода» и «Пана», но опрокинутые, вылощенные, кристаллизованные в своем окончательном виде. То, что пережил когда-то сам Гамсун, голодавший, скитавшийся по стране, перепробовавший десяток профессий от каменотеса до рыбака, эмигрировавший в Америку и сброшенный мясорубкой капитализма обратно на родину — воспроизводят теперь герои «Бродяг». Главных, собственно, трое. Они представляют по замыслу автора три основных жизненных пути, которые может избрать человек, ищущий в своей биографии соответствия своим духовным устремлениям.

Первый — это тип настоящего «бродяги», слишком играющего жизнью, чтобы полюбить ее до конца в отдельных ее проявлениях и вместе с тем слишком любящего ее, чтобы играть ею на смерть. Таков Август, оживляющий своими наездами жизнь Полена. Матрос, торговец, офеня, гармонист, вечный комбинатор—он определен автором, как «дельный и предприимчивый, лживый до самого крайнего злоупотребления ложью, всем нравящийся, верный и участливый, нередко во вред самому себе, но в трудную минуту бессовестный до преступности». Но автор портретирует, не вмешиваясь. Он верен до конца своему об'ективизму. И Август получил от автора свою долю симпатии, такую большую, что он может быть назван принят каждым романтиком.

Но сам Гамсун не с «романтикой». Он с крестьянином Иоахимом или Эзрой. Ни Иоахим, ни Эзра не обставляют свою жизнь этими несбыточными идеями, этой тревогой передвижений, этими вечными будоражащими фантазиями, которые, точно воздушные шары, только отделываются от земли, едва к ней прикоснувшись. Иоахим обрывает свои чувства. Он трудится неустанно, строит скотный двор, осушает болото. И, наконец, третий, брат Иоахима—Эдварт. Этот посередине. Этот здесь и там. Отравлен романтикой Августа и вместе с тем связан с деревней «властью земли». Он колеблется, тревожит читателя. Это образ исканий, душевной смуты. Это молодость Гамсуна, которую он хочет превратить в «вечную» категорию.

Норвегия—аграрная страна. Процесс ее капиталистической «перестройки», рационализация, укрупнение капитала, рост заокеанского Левиафана-Америки—все это мучительно ударило по мелкобуржуазным слоям родины Гамсуна. Океанский пароход, блеснувший зеркальными иллюминаторами в мирных шхерах Норвегии, не только произвел переворот в деревенских лавках торговцев треской, но он поселил в умах «романтизм» разложения, опустошил сердца утратой чувства дома и земли. Гамсун—гениальный художник этого мелкобуржуазного мира, лихорадящего кризисами капитализма. Честность Гамсуна, его точность и психологическая глубина в изображении внутренних борений, чувств, поисков человека, принадлежащего к этому миру,—совершенно замечательны.

Кнут Гамсун

И в «Бродягах» Гамсун не скрывает и не «лакирует» (как бы мы теперь сказали) ничего в любимом им мире. Капитализм — страшная вещь. Когда он отнимает от земли свою влагу, как это делает море во время отлива, люди едва начинают дышать. Эдварт «представить себе не мог, что родное селение может стать таким жутким. Убийство, безумие, испорченность господствовали тут, мрачная безнадежность отражалась на лицах людей, вопиющая бедность, пищи не хватало даже детям. В Верхнем Полене была совершена кража со взломом, был похищен кусок воблы, и на снегу виднелись следы детских ног». Здесь оставаться было невозможно.

Так, как же быть? Что же делать? Это серьезные вопросы. Ведь дело идет о жизни и смерти. Бежать в Америку? Даже богатый Кнофф почти разорился. Куда же итти человеку?

Все это слишком серьезно, чтобы такие вещи можно было облитературить или решать сразу. Право на свое теперешнее решение Гамсун—так сознает он свое слово—заработал всей своей жизнью, начатой «бродягой». И Гамсун подводит читателя к своему решению не сразу, предварительно проведя его через все испытанные им самим удары, настроив на этот изумительный простой и сдержанный тон выстраданной мудрости. И тем сильнее поражает нас ее неожиданная бескрылость, железная автоматичность, **социальная убогость.**

В жизни «ведь все устраивается в конце концов», заключает Гамсун. И трудолюбивый Иоахим, никуда не стремившийся, этот честный деревенский накопитель побеждает. Его жизнь увенчивается. Он достигает своих мечтаний, строит крепкое хозяйство. Удача и мораль труда окружают его светящимся ореолом.

— Мы не становимся счастливее изнутри только от того, что едим жирнее,—говорит Иоахим Эдварту, тоскующему по Америке, куда уехала его любимая женщина.—И еще:

— Не всегда жир идет на пользу, нет, наоборот, излишний жир никогда не бывает полезен. Ведь не все же могут быть одинакового роста.

Всю свою силу аналитика и изобразительные средства привлекает Гамсун, чтобы художественно доказать положение, что «бродяга всегда волочит за собой оторванные корни» и чтобы наполнить всей полнотой жизни истинный «романтический» образ и опору «доброй, старой» земледельческой Норвегии—трудолюбивого Иоахима. Но ухо художника все же уловило механическую фальшь в этом столь «обыкновенном» конце. И Гамсун заставляет все же Эдварта тайно бежать в Америку. В нем взял перевес «бродяга».

Так кончается этот роман. Он кончается какой-то тревожной нотой, оставляющей смутное беспокойство, как ветром случайно донесенный стон. И эта нота только еще резче подчеркивает лейт-мотив романа:

— И почему бы жизни не итти, как она шла.

С этим девизом «Бродяги» пошли по Европе. И можно ли теперь лишь художественным поводом об'яснять успех романа? Конечно, художественная сторона его заставляет вас искать в словаре слов, обозначающих вершину творческих достижений. Язык романа прост, как крестьянское платье, и проникает в вас с силой событий самой жизни. С поразительной естественностью скользит Гамсун по оттенкам и извилинам всевозможных психических явлений, точно в рыбачьей лодке по извилинам родных фиордов. Но, если отбросить повышенную долю внимания, которую давно и справедливо заслужил у читателей великий норвежец, мы все же должны искать источник этого успеха в современном состоянии европейского общества. Оно полно «бродяг». Это не «романтики» и скитальцы. Это миллионы безработных, инвалидов, нищих, выброшенных капитализмом на свои людские свалки. Грозный стук миллионов рук этих людей заставляет содрогаться самые стены старой Европы. Трещины, крахи, самоубийства—вот обстановка, где начинают разговаривать о «смысле жизни». Вот почему здесь встречают «Бродяг», как откровение. Мелкий буржуа, наполняемый неутолимым беспокойством за свое будущее, уже материально чувствующий внутренний распад старого мира, хватается за философию счастья Гамсуна.

«Все находит»,—как бы говорит им Гамсун. «Так идите же назад, на землю, и труд на ней успокоит вас». Политика страуса, зарывающего голову в песок, чтобы не видеть опасности. Теплота набрюшника, который греет лишь тогда, когда сыт живот. Но так велика растерянность широких мелкобуржуазных кругов перед лицом кризиса, что роман Гамсуна приобретает силу психологического документа, формирующего общественное настроение. В этом **смысле самый успех романа—ярчайшее свидетельство капиталистического разложения и настроения реакции.** В самом деле, в переводе на политический язык «Бродяги»—это настоящий **кулацкий роман,** где в концентрированном виде дана вся философия крестьянской фашистской реакции.

Ну, а как же быть «Бродягам» по новоле? Так точно, так деликатно обуздав «романтическую линию», Гамсун, разумеется, не дает нам на это ответа. Поставив точку в день отъезда Эдварта, Гамсун как бы приглашает **остановить** свою мысль на тех, кто остался и победил: на Эзре и Иоахиме.

Зато чрезвычайно любопытным **дополнением** к роману Гамсуна может послужить книга известного французского журналиста Жоржа Лефевра (автор «Эпопеи каучука»). Книга называется «Я бродяга». Автор не задается никакими психологическими тонкостями. Его дело просто—возможно точнее и обстоятельнее показать тем, кто вершит судьбами мира, что же представляют собой в действительности так называемые «низы» больших городов. И может быть потому, что мы имеем здесь дело с бесхитростной «фактографией», **картины, набрасываемые Лефевром, оказываются поистине потрясающими.** Хотя автор отнюдь не стоит на позиции пролетарского мировоззрения, тем не менее результаты его исследования громко говорят сами за себя.

У нас еще распространено традиционное заблуждение о «сравнительном комфорте» и прочих достижениях, которые представляет культурный Запад даже беднейшим трудящимся слоям. Книга Лефевра не оставляет больше никакого места для этих предрассудков. Если бы понадобилось дать сводку **подлинного капиталистического рабства, существующего на Западе для миллионов людей,** то книга Лефевра—документ, значительность которого повышается тем, что он дан человеком из враждебного нам лагеря.

Лефевр сделал следующее: переодевшись в отрепья «бродяги», предупредив только родных и знакомых, он со ступеней обеспеченного буржуазного писателя ринулся вниз, на «дно нищеты», предав себя механизму приемов, которыми капиталистическое общество держит свои язвы. Лефевр описывает «дно» трех главнейших европейских столиц: Лондона, Берлина и Парижа. Перед нами проходят улицы, которых никогда не подметают, каменные дворы, кишащие зелеными детьми и гниющими отбросами, очереди бездомных за тарелкой похлебки, ночлежки, похожие на тюрьмы, и тюрьмы, похожие на ночлежки, подвалы с комнатами, где существует «конвейер» спящих партиями на одних и тех же постелях днем или ночью.

Когда вы читаете о теперешней жизни, где нибудь в кварталах Пенлера или Оденека, где на одну постель по переписи приходится до 6 человек, включая жильцов, снимающих постель на угол койки, то невольно вспоминаешь замечательные главные страницы английской нищеты, написанные Карлом Марксом. **Ничего не изменилось.** Буквально ничего, **за целых три четверти столетия.** Если бы нужно было [illegible] режима капитализма, то один этот факт, одни эти картины способны опрокинуть самого твердолобого человека.

Лондон, Берлин, Париж, Гамбург... «Подполье» культурного Запада везде одинаково. Спазмы голодных желудков, моральная униженность, дети, покрытые туберкулезным потом, миллионы людей, фактически находящихся вне закона,—все это со страшным однообразием перешагивает национальные границы, все это одинаково во всех столицах, все это составляет чудовищную свиту капитализма. И над всем этим тоже во всех столицах действует разветвленный механизм «помощи», задача которого сдерживать жизнь в поставленных ею рамках, поддерживать иллюзии благополучия холодного и мнимого как «неугасимый огонь» на могиле неизвестного солдата в Париже. Лефевр с большой откровенностью разоблачает всю эту систему лицемерия и подлости, где **при помощи ловко составленного расписания действующих ночлежных домов, вылавливаются безработные нищие с улицы, где выдают подложные ордера на обед, где за кусок хлеба заманивают беднягу слушать обедню в Сакре-кер, чтобы они не попадались на глаза богатым американским туристам, где посулы переплетаются с обманом, а молитвы с формечным буржуазным террором против нищеты.**

Лефевр заканчивает свою книгу **признанием полной неудачи своей затеи:** «Потому что погрузившись в нищету с намерением плыть против течения, вынырнуть на поверхность и выбраться из нищеты при помощи труда, я должен был констатировать, что остался в дрейфе, и что несмотря на все усилия меня сносит вниз по течению. Потому, наконец, что в меня медленно проникло ощущение того, что я был обманут, одурачен, осмеян, отвергнут тем самым обществом, которое тем не менее использовало мои мускулы и мое мужество».

Этот современный Гарун-аль-Рашид, ничем не рисковавший, погружаясь на дно, не делает никаких философских или политических выводов. В сущности он хотел бы только сказать:

«Господа, вы живете на земле, которая каждую минуту может взорваться. Имейте это в виду и примите какие-нибудь меры».

Но эти выводы проступают помимо желания автора между строк. Они говорят, что капиталистический мир, забаррикадированный [illegible] мировых [illegible] идет к своему концу, лихорадочно [illegible] философствуя, еще [illegible], чтобы отчаянно защитить свою жизнь, и уже [illegible], чтобы в нее верить. И мы понимаем тогда, почему он, [illegible] «бродяг поневоле» с бесконечной злобой обращается на Восток, где зачат **в огне и борьбе новая система жизни — социализм.** В книгах «о рабочих» мы легко различаем ноты слабости и стенаний. А за лицемерной его патетикой мы прочитываем злобную, трусливую и [illegible].

— И почему бы жизни не итти как она шла [illegible]. Пусть она существует [illegible] как есть. Пусть даже «под сурдинку», как бродяги в мировых столицах.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

О НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИДЕЯХ*

Об искренности

«Автор «Анны Карениной», несмотря на свой огромный художественный талант, есть один из тех русских умов, которые видят ясно лишь то, что стоит прямо перед их глазами, а потому и шут их знает, чтобы повернуть же перо направо или налево, чтобы разглядеть и то, что стоит в стороне, они, откинувши, не имеют способности: им нужно для того повернуться всем телом, всем туловищем. Вот тогда они, пожалуй, заговорят совершенно противоположное, так как во всяком случае они всегда строго искренни»...

Оставим в стороне, насколько правильно это мнение Достоевского о Толстом, высказанное к тому же устами «знакомого», но обратим внимание на самую постановку вопроса. У нас с некоторого времени стали раздаваться голоса в защиту искренности в искусстве, голоса справедливые, но всей полноты вопроса не затрагивающие. Хотя Достоевский и показал себя во многом в «Дневнике» и мракобесом, но многое нам и правильно. К числу этого принадлежат и вышеприведенные слова. В чем слабая сторона требований / «искренности»? И есть ли она? Она есть и заключается в переоценке той основы, которую дает, в данном случае, художнику его внутреннее чувство. Как же иначе можно было бы понимать «искренность»? Внутреннее же чувство может совсем художника так далеко, что нет таких людей и положений, которые бы им не оправдались. Значит ли это, что художник должен занять какую-то обратную позицию? Конечно, нет. И некоторые критики справедливо заявили, что с этой точки зрения вопрос о «искренности» является просто пустым местом, так если бы кто-нибудь стал утверждать, что писать нужно на бумаге. Очевидно, защитники «искренности» не это имели в виду. И здесь мы должны прямо сказать, что насколько не жертвуя собой, не поступая иной раз в разрез со своими непосредственными и, казалось бы, самыми сильными ощущениями, художник должен сознательно оценивать характер и направление своего творчества, и если бы это оказалось в результате такой оценки нужным, добиться внутреннего перелома в своем творчестве.

Проблема трагического

О легкой руке Д. Горбова у нас заговорили о трагическом. Вернее о «трагедийном». На этот счет мы тоже приведем цитату. «Не пробуя заниматься дерзновым анализом сих... было бы только тогда возможно, если бы он сказал на эту тему что-нибудь больше, чем только пустую фразу... Действительно, если гениальное «Учение о сущности» начинается до глупой фразы о движущихся в противоположных направлениях, до бессмыслицы, силах, то самое лучшее, конечно, избегать какого-либо признания этого общего места». К сожалению, эти слова Энгельса целиком можно отнести на подмышку Горбова. Он «не» человек хочет признать литературное изображение жизни и таких человеческих противоположностей, которые ничем не разрешаются. Откуда и неожиданная «трагедийность». И так просто было сказать в другом случае Энгельсу, подробно всем авторам можно было бы заниматься, если бы здесь было сказано нечто большее, чем только пустая фраза. Но будем гадать, что подразумевал за это Горбов, но об себя заметим: наше время богато трагическим, прежде, не для пролетариата, конечно, тема которого героична, а для находящихся классов. Было бы наивно удивляться, что эта трагедия старого общества нередко отображается, по крайней мере, как трагедия, смысл чего, так или иначе, в личной развязке. Нельзя все отдельные противоположности — они бегу сюжета, ни чорту кочерга.

Мещанство

О мещанстве сказано немало. Одно время как обычно творческой психологии профессионалов «мещанство». В результате сюда вмещалось все, что угодно, вплоть до этого ярлыка, что, например, сказано и авторы его. Все же, к сказанному, нам думается, есть что прибавить. «Мещанство» выросло, как известно из самого термина, на почве литературной аналогии. Смысл же его

* Поскольку здесь участвуются о тех или иных выступлениях переводчиков, следует ради вежести указать, что автор в данном — один из членов этой группы.

в защите, опять-таки, непосредственности творчества против эмпиризма, выражением Сальери. Но литературная аналогия в данном случае не спасает, а губит дело. Пушкин — противоположность Моцарта и Сальери, как равные величины. Моцарт дан на высшей точке своего развития, но вместе с тем, и на грани падения. Он потерял бы все равно, если бы Сальери не погубил его: именно прививка эмпиризма не хватало ему. Не в защиту Сальери, разумеется, говорим все это, а... Пушкина. Ибо, если нужен соответствующий термин, мы не за «мещанство» и не за «сальеризм», а за «пушкинизм», художественно разрешающий это противоречие.

Гуманизм и отношение к вещам

Из общесоветских задач продолжала говорила все основоположники марксизма. В этом смысле мало нового прибавили к старым утверждениям те, кто хотя бы и в условной форме говорит о гуманизме в наших рядах теперь. Но Ленин, например, постоянно подчеркивал, что орудие этого гуманизма—первоначальное, понятно—вооруженное восстание, гражданская война. Теперь положение изменилось. Есть более мощные орудия, сказем. Красная армия. Имело ее раньше являются теперь первыми последними гуманизма, хотя бы в том смысле, что охраняют границы Советского союза.

В тесной связи с этим вопросом стоит другой — о человеческих отношениях и об отношении к вещам. В пресловутой декларации, например, говорится: «Сфера искусства, прежде всего, отношения между людьми. Искусство революция обязано сосредоточить внимание на новом общественном человеке, на ростках новых отношений между людьми, на препятствиях, которые им мешают, на противоречиях внутри человека». Это также не «что», а потому и неверно. Весь этот абзац направлен против «фетишизма вещи», о чем говорится в предыдущих строках декларации». «Фетишизм вещи» положение, конечно, отрицательное, что в свете последующего, что сказано в декларации — вопрос представляется новому. Вещи, продукт творчества людей, столько же выражают человека, как и все другое. Можно, наоборот, говорить о фетишизации человеческих отношений, ибо сами по себе они имеют, голый, физиологически действующий закон. Ту утверждать, что сфера искусства—«прежде всего отношения между людьми», колеблющая неустойчивое значение «вещи», подчеркивая «как», а не «что», значит человеческое творческое делать жертвой биологии. Не отношения между людьми являются, прежде всего, предметом искусства, а весь мир человеческих отношений — от природы просто до той «второй» природы, которую создает человеческий гений, в чем — то-есть в вещах не творимых — и заключается подлинная сила его.

В заключение еще об одном. В той же декларации приведены слова Гете, как «великий завет» для всякого художника. «В чем начало и конец всякого писания?» спрашивает Гете и отвечает: «Воспроизведение мира, окружающего меня, через внутренний мир, который претерпевает, охватывает, заново создает, дает в снова воспроизводит в собственной манере и форме». Спору нет — хорошая схема. Но ко времени ли она? Подарком над «веймарским художником благородным» так ею воспользовался в другое время другой поэт...

И те же готовые слова можно было бы повторить так: художник — это тот, кто свое умение, свой «специфизм отдает окружающему его миру, который все это «изучает, охватывает, заново создает» и только тогда — то-есть, по-своему пересоздав — «воспроизводит в собственной манере и форме». Думается, что это более по плечу искусству — в наше, по крайней, и первую очередь, жизнерадостное время. Сложит: каждому делу — время его. Но и времени — также. А в наше время в этом и жертвы никакой нет.

М. БАРСУКОВ

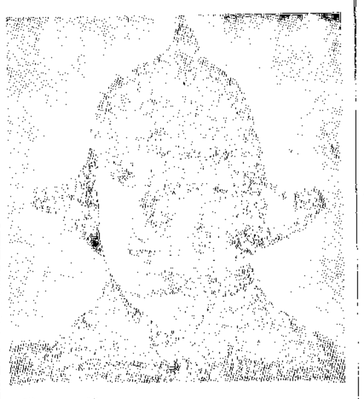
---

1 Недавно в одном из критических выступлений было высказано, что именно вещь (трактор, комбайн) может быть героем произведения. Это в такой же мере правильно, как соответствующее переводческое рассуждение. Разумеется, критик предполагал не изолированную вещь, что было бы абсурдом, а во всей ее связи.

РОМАН КЛАССОВОГО ОПЫТА

Роман Бела Иллеша «Тисса горит» необходимо рассматривать в связи с получившей широкое развитие в пролетарской литературе Запада формой, которую можно назвать романом классового опыта.

Основной особенностью такого романа является то, что исторический опыт революционной борьбы пролетариата берется не отвлеченно, не в порядке рассудочного отображательства, а практически. Пролетарский художник ставит своей задачей воспроизвести отдельный момент исторического опыта революции так, чтобы история была обращена к современности, чтобы роман вооружал рабочий класс в его сегодняшней борьбе. Это означает, что художник не ищет никаких исторических «аналогий», его задача — вскрыть логику исторического процесса, подчеркнуть прошлое критике, извлечь из него актуальнейшие уроки.



Бела Иллеш

Роман классового опыта является прежде всего политическим романом. Внимание художника сосредоточено на том, чтобы выявить движущие моменты исторического опыта, чтобы вскрыть основное в этом опыте, осознать политическое значение его. Мы видим, как неизбежному воспроизведению в связи с этим подлежит личное в романе — люди, выступающие как активные выразители общественного процесса, они всегда органически связаны с классом — художник всегда остается от мелкобуржуазного, индивидуалистического фетишизма.

«Тисса горит» Иллеша — суд сегодня и интересное явление романа классового опыта. В двух книгах воспроизводится два момента революционного движения в Средней Европе. Первая книга показывает установление советской власти в Венгрии, вторая — события в 1920 году в Прикарпатской Руси, восстание против убежавших в период нашего наступления на Варшаву.

Сознательная две книги романа Иллеша, необходимо отметить, что первая из них имела ряд характерных недостатков, в значительной степени преодоленных второй книгой. Иллеш последовательно осуществляет «Тиссу» в духе эпического романа, вскрывающего ложку исторических событий, освещающего события под углом зрения данного этапа пролетарской борьбы; ему удается дать развернутую, связную, идущую вглубь картину событий венгерской революции. Но в его романе удерживаются еще черты автобиографического эмпиризма, как и все другое. Можно, наоборот, говорить о фетишизации человеческих отношений, ибо сами по себе они имеют, голый, физиологически действующий закон. Ту утверждать, что сфера искусства—«прежде всего отношения между людьми», колеблющая неустойчивое значение «вещи», подчеркивая «как», а не «что», значит человеческое творческое делать жертвой биологии. Не отношения между людьми являются, прежде всего, предметом искусства, а весь мир человеческих отношений — от природы просто до той «второй» природы, которую создает человеческий гений, в чем — то-есть в вещах не творимых — и заключается подлинная сила его.

В заключение еще об одном. В той же декларации приведены слова Гете, как «великий завет» для всякого художника. «В чем начало и конец всякого писания?» спрашивает Гете и отвечает: «Воспроизведение мира, окружающего меня, через внутренний мир, который претерпевает, охватывает, заново создает, дает в снова воспроизводит в собственной манере и форме». Спору нет — хорошая схема. Но ко времени ли она? Подарком над «веймарским художником благородным» так ею воспользовался в другое время другой поэт...

И те же готовые слова можно было бы повторить так: художник — это тот, кто свое умение, свой «специфизм отдает окружающему его миру, который все это «изучает, охватывает, заново создает» и только тогда — то-есть, по-своему пересоздав — «воспроизводит в собственной манере и форме». Думается, что это более по плечу искусству — в наше, по крайней, и первую очередь, жизнерадостное время. Сложит: каждому делу — время его. Но и времени — также. А в наше время в этом и жертвы никакой нет.

М. БАРСУКОВ

---

1 Недавно в одном из критических выступлений было высказано, что именно вещь (трактор, комбайн) может быть героем произведения. Это в такой же мере правильно, как соответствующее переводческое рассуждение. Разумеется, критик предполагал не изолированную вещь, что было бы абсурдом, а во всей ее связи.

на ТЕАТРАЛЬНЫХ ДИСПУТАХ в КОМАКАДЕМИИ

„ХЛЕБ" В. КИРШОНА в МХТ

Два вечера посвятила секция марксистско-театроведения Комакадемии обсуждению пьесы В. Киршона «Хлеб»—в постановке МХТ.

Дискуссия была открыта вступительным словом т. С. Динамова, который, характеризуя положение на драматургическом фронте, констатировал отставание драматургии от требований, предъявляемых периодом «существования социализма в нашей стране.

— До сих пор на театре не были показаны подлинные герои классовой борьбы в деревне. Киршон впервые сделал попытку дать в художественных образах настоящих, живых людей. Его образы написаны в то же время публицистичностью, отнюдь не разрушавшей их художественного качества, что мы видим часто у практиков «Литфронта». К каждому своему герою автор «Хлеба» подходит как партиец, как большевик. Каждый его образ выполняет свою задачу, вскрывая одну из сторон класса.

— Пьеса настолько действенна,—заключает т. Динамов,—что могла бы давать своего рода директивы работникам, занимающим на хлебозаготовки.

В прениях с вступительным т. С. Динамову выступили тт. Чарный, Дайреджиев и Кикодзе. По мнению т. Чарного, автор «Хлеба» упростил свою задачу тем, что взял главными героями своей пьесы интеллигентов, «переносы, таким образом, город в деревню».

Дайреджиев и Кикодзе в одинаковой степени ошибочно уверены, что В. Киршон хотел затронуть в «Хлебе» проблему партийных кадров. И этого он, по уверению ораторов, сделать не сумел. Дайреджиев, кроме того, не усмотрел в пьесе образом Михайлова, заявляя, что в нем «слишком много пафоса и мало мировой революции». Кикодзе пытался довольно неудачно доказать, что Раевский в «Хлебе»—просто интеллигент-романтик, тип, которого мы давно знаем по русской литературе.

Выступившие в числе ораторов, дали абсолютно положительную оценку пьесы «Хлеб»,—тт. Афиногенов и Ермилов остановились главным образом на идее пьесы В. Киршона.

Афиногенов считает, что идея пьесы «Хлеб» не в хлебозаготовках и даже не в генеральной линии партии. Автор ставит философскую проблему о «свободе» и необходимости. Решение этой идеи он проводит не только в образе Раевского, но и в образе Михайлова.

Основным недостатком пьесы т. Афиногенов считает ее конструкцию, допускающую не только замену одних лиц другими, но и «вымарку» некоторых персонажей.

Много внимания участниками дискуссии было уделено обсуждению и оценке постановочной работы театра над пьесой.

— Справился ли со своей задачей Московский Художественный Театр? Сумел ли он на основе своего метода правильно раскрыть большевистскую пьесу и дать тип настоящего коммуниста?—вот те основные вопросы, которые ставили почти все выступавшие ораторы, говоря о спектакле.

Если суммировать высказывания представителей театра, то получается, что последний вполне справился с пьесой, вышел в то же время этой своей работой на новую дорогу. Правда, т. Гейтц отмечал, что некоторая часть работников театра противилась постановке «Хлеба». Несколько иного мнения об отставании театра от современности придерживается режиссер спектакля т. Судаков. В этом отставании он винит драматургов, заявляя, что театр всегда был и будет «рупором эпохи» в том смысле, что, если драматург даст нужную, актуальную вещь, то театральный коллектив всегда сумеет ее хорошо показать. Тот же драматург, по мнению Судакова, должен помочь театру в его исканиях новых форм, новых методов работы.

Таким образом, если согласиться с Судаковым, театру должна быть отведена пассивная роль, против чего большинство правильно возражало.

Пункт все выступавшие ораторы сходились на том, что МХТ, поставивший «Хлеб» В. Киршона, вступил в новый этап своего развития. По этим вопросу о новых путях театра не исчерпывается. МХТ, несмотря на весьма благодарный материал, данный ему драматургом, с этим материалом не вполне справился. На основе метода и системы Станиславского нельзя с необходимой полнотой раскрыть идею большевистской пьесы пролетарского драматурга. Театр и значительной степени правильно политически донес автора до зрителя, но целый ряд образов большевистской пьесы чужд исполнителям МХТ. Целый ряд постановочных моментов говорит о том, что «спектакль как бы спорит с самой пьесой». На этой же почве ряд образов, которые автором не были окончательно доработаны, не получили своего разрешения и на театре, который не сумел их доработать сценически. Получились бледные образы. Вполне удовлетворительным, в то же время, следует признать показанный театром образ большевика Михайлова—в исполнении Добропрахова.

К какому выводу приводит развернувшаяся во время дискуссии критика спектакля МХТ? Вывод—один: перед театром стоит актуальнейшая проблема—приступить к углубленной проработке нового метода, такого метода, который целиком заменил бы собой эвристическую систему Станиславского.

Л. ЕЛИНА

„ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ" Вс. ВИШНЕВСКОГО В ТЕАТРЕ МЕЕРХОЛЬДА

Драматургическая попытка Всеволода Вишневского воплотить в пьесе «Последний решительный» творческие лозунги «литфронта», отвергнутые пролетарской литературой, естественно привлекла к этой пьесе и поставленное ее в Театре им. Мейерхольда особое внимание.

Очень оживленно поэтому прошла в Комакадемии дискуссия о «Последнем решительном». Дискуссия, принявшая многочисленных ораторов, выступивших с резкой, но в то же время обстоятельной и углубленной большевистской критикой пьесы Вс. Вишневского и спектакля Вс. Мейерхольда. В числе выступавших были и защитники творческого метода драматурга и театра.

*

Первым в прениях выступил т. Залесский («Вечерняя Москва»), поставивший вопрос о методе пьесы, написанной по рецептуре «Литфронта». Оратор считает пьесу «превзойденной» и этот провал он объясняет «распадом метода над автором».

В противоположность т. Залесскому, следующий оратор т. Тарасенков сделал попытку оправдать пьесу Вс. Вишневского. Но свою защиту он построил на оправдании таких частностей и случайностей, которые не дали ему возможности подойти по оценке пьесы в целом с точки зрения заложенной в ней основной идеи и ее содержания. Тарасенков считает неправильным обвинение автора в психологизме, так как психологизм, по его мнению, «никогда не бывает обличающим». Вишневский же в своей пьесе—обличает. Тарасенков утверждает, что пьеса удалась автору потому, что она написана «литфронтовским методом».

Тарасенкову «как бы возражает» тов. Бочачер. Он считает пьесу, по уяснению Вишневскому, а не удалась пьеса потому, что она не «литфронтовская». Порок пьесы оратор видит не в схематизме ее, а в том, что в ней нет центральной идеи.

С защитой пьесы выступил затем т. Петровский (завод «Геофизика»). Основываясь на «впечатлениях», вынесенных им из зрительного зала, и на руководящих зрителей, т. Петровский считает, что пьеса достигает своей цели. Доводы т. Петровского выразили аналогичную правильное замечание Начархитектора ПУР т. Родионова о том, что зритель уходит не спектакля, как такового, а своей собственной веры и любви в Красной армии.

От имени «просто зрителей», как он назвал, роль защитника пьесы взял на себя и артист Театра им. Мейерхольда т. Мологин. Речь его сводилась преимущественно к формальной оценке спектакля. Оратор, называя пьесу «легкой и прозрачной», говорит о гениальных достижениях режиссера в области экономии средств и приемов ее сценического воплощения. Мологин «возражает» против того, что пьесу, якобы критикуют за то, чего в ней нет, в том числе и за отсутствие в ней психологии.

Это утверждение т. Мологина встретило достойный отпор со стороны тов. В. Киршона.

— В чем основная порочность пьесы?—спрашивает т. Киршон.—Существовала старенькая теория «термидора», утверждавшая, что теперь, мол, у нас обывательщина, перерождение... А вот, когда вновь грянет война, тогда, мол, мы все стряхнемся... Вот и в пьесе—в тяжелой гнетущей обстановки кризиса и разложения показано наше сегодняшнее. И на таком фоне — вдруг взлет, вихрь войны, начало «настоящего». Содержание пьесы оторвано от нашего строительства. И надо прямо сказать, что «последний решительный» без пятилетки—это ложь, это фальшь.

Л. Лебединский критикует мелкобуржуазные черты пьесы: безволие, колебание, психологизм. Героика в пьесе перекрыта в истерике. Но для всякого мелкого буржуа героика вообще—нечто отдаленное, нечто истеричное.

— В пьесе незнакома концепция войны, сформулированная Лениным. — говорит следующий оратор т. Подольский. —В ней дана концепция войны, весьма характерная для мелкой буржуазии. Сущность вопроса заключается в том, что наша армия—это наш вооруженный авангард. Спектакль же создает впечатление, будто в момент войны, классовая война у нас исчезнет. Вопрос, таким образом, сводится к мирообразованию.

И. Анисимов выясняет, насколько мелкобуржуазным по существу является драматургия Вишневского. Еще в «Первой конной» можно было проследить, как революционные художники возникали в борьбе с меньшевиками традициями. Но уже в «Последнем решительном» меньшевик побеждает революционное. Поэтому творчество Вишневского заканчается в эклектизме развернутых веером эпизодов, расчлененных на «впечатления». Чем пестрее и эксцентричнее — тем лучше. Именно в этом весь смысл такой «героической» темы, как народная на «большой» оперный театр. Вишневский стремится вообще освободить театр от реалистической основы, сводя театр к карточной эстетизированной игре. Вишневский—эмпирик. Отсюда—его внеклассовый батализм, который мало чем отличается от манеры такого мелкобуржуазного экспрессиониста, как Георг Кайзер.

С резкой критикой пьесы выступил председатель президиума ЛОКАФ — т. Дегтярев.

— Когда я шел на спектакль,—говорит он, — я думал, что он покажет какая будет последний решительный бой капиталу, а оказалось совсем не то. Взамен славного героя, Самушкина, который у Вишневского предчувствует флот. Весь это типичный анархо-бандит, а не краснофлотец. Пьеса Вишневского — небольшая пьеса. Большевикам учит, как побеждать в войне, а пьеса показывает лишь, как умирают. Только пролетарская большевистская самокритика может спасти Вишневского, — говорит т. Дегтярев.

После него выступил представитель ТРАМ т. Чичеров, занявший своего рода буферную позицию в споре: с одной стороны, нельзя не признать, что... «пьеса Вишневского повредает в цель», а с другой стороны, нельзя не сознаться, что она имеет элементы... «разухмененно-пролетарские». Самушкинщина, — говорит т. Чичеров,—есть в армии и ее изобразил Вишневский.

Горячую отповедь довелось выслушать т. Чичерову из уст т. Родионова:

— Как,—говорит он, — даже не отголоски Самушкины, а «самушкинщина»! До какой же политической несуразицы можно договориться и пьесу полемики!

— Когда напишешь пьесу о Красной армии нужно давать вечное отображение ее жизни. Вишневский этого не сделал. Он до сих пор живет «братанием» и «хрущовщины». — Нет ничего более подлого, чем подобное представление о марксистской критике, и я думаю, — говорит т. Динамов,—что Вишневский должен отказаться от ней без ложной защиты «Последнего решительного», которую мы здесь слышали!

НАР

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

ГУЛЯЙ ВОЛГА

ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ГЛАВ РОМАНА

Сибирь, Сибирь — страна мехов, великих рек, дорога народов.

Сказал, удел Иртыш водою, славен пашнями... Играя плесами, свившись в кольца, вокруг лежен Иртыш по своим кыргызским, катит мутную воду через топи белот Барабинских, гремит и тонет по дну обкатанные камни в ущельях Алтая.

Текла вода
за водою текла жизнь.

Старые доживали век в беседах в моленье. Молодые, скалы зубы и языка, ходили в битву. Мудрый славился мудростью, богатый богатством, бедняк кормился от трудов своих. Кости стариков таяли в земле, обитых молодых были крепкими, стены славетные и слезы горячи. Ночью на осторожный посвист любовницы, как лисица, выбегала любовница: свет звезды каменел и струился в их глазах.

Туманы кочевали в долинах.

Чели рыбака скользили по реке, бегало весло, взметал брызги. Крапивная сеть волокла на желтые пески трепещущую рыбью орду. Скупастый сеяр трудился на поле, вспарывая чрево земли словым суком. По зарослям у берегу озера, колебли метелки камыша, крался охотник: легок глаз его, легка нога, легка певучая стрела. В тайге у костра на разостланных шкурах дремали зверобои. Над вечерней синеючей стеной лился древний плач пастушьего рога. Брели стада и тучные быки, багровеющей в закатных лучах.

Над конными ордами вился дым. В юртах рождались и умирали, смеялись и плакали.

Широко раскинулось тундра. Реки и речки, озера и озерца, многядные болота, кочки бурых мхов и полины светло-зеленого лишайника.

По мохочинам, выбирая мель, бродили олени — их рога качались, как лес.

Кидая копытами отметки мерзлой грязи, мчался лось и в погоню за ним

отскакась стая хранящая острорылых волков.

На вой волков и на лай лисицы из далекого моря с плывущей ледины хриплым ревом отзывался белый медведь.

На озере дальнем лебедь с лебедушкой кружились в брачном танце.

По горам, по долам гулило много зверем на счастье каждой руке, несущей лук и копье.

Богато жил Кучум.

В травных долинах, меж озер, нагуливались тучнеющие отары бараты его, косяки коней, табуны верблюдов. Бедняки кочевали во след царских юрт и пасли стада его.

Разлив степей, зеленое раздолье, дали звериные. Сильный ветер колыхал траву, гнал ковыльную волну. Сверкали, пронятые светом, синие потоки. По раздолью, волною жарких цветов, скользила тень облака. Напрягая четиву легкого лука, скакал Кучум по своим землям, и пролетный стон зверя вселялся его стрелою в сердце.

В женах он бодрил, как в фруктовом саду. Старые жены с детьми жили все вместе на большом дворе, молодые жены жили каждая в отдельном дворе, и юная Сузге жила против города, на другом берегу Иртыша в своем урочище.

Меча Кучума были легче орлов, славой своей он перешагнул за пределы недостижных мечтаний. Дикие кочевые племена, приобские остяки, конгинские и табаринские вогулы, ишимские и барабинские кочевники, сургутские самоеды и таежные охотники, тюменские и нерубленые русские села и далекие киргизкайсацкие аулы страшились меча его и ярлыка.

Дань подвластных народов отовсюду стекалась в царев котел. Бедняк давал царю пебелку с жеребенком, богач все ему нечто от богатств своих, рыбак всю за лодкой на привязи сазанного осетра, охотник метал на шпорах царю дорогие шкуры бобров карих и рыжих, лисиц черных и красных, соболей голубых и куниц прекрасных.

В усадах сидели подручные мурзы. У мурз в подчинении были витязи, у князьков — старшие и сотники.

Кучум-царь, а с ним и все его послуги и угодники с женами, детьми и собаками, волнуя хвалу богам, кормились меж рук народа своего.

Весною, по просухе, к низовьям Иртыша скорили караваны купцов алтайских, китайских и бухарских. Ветер вздымал косматые верблюжьи гривы, яркие полы халатов. Звучащая песнь и крики погонщиков, — лица их были запылены, как придорожные камни,— и резкие хлопки витого из волоса кнута:

— Ала-ав-ча...

По степи, дремлющей в зеленом полузвоне, далеко разносился трубный рев верблюдов, мерно плывущих под тюками товаров. Материи великие и кафтаны стеганые, и сафьян, и холсты, вытканные затейливыми рисунками, и ковры из кавалинных узоров, и полосяные южным солнцем бухарские шелка и афганские ковры столь ярких цветов, что от взгляда на них слезятся глаза. Писаная посуда, цинно сарацинское, лакированные сладости в коробках и листах, самоцветные камни, янтарь, масла и сласти, и китайский табак столь мелкой резки, что мельчою своей он мог поспорить с рубленым мелоческим волосом. Табуны прядущих арамаков и диких карабаиров, толпы половецких с колодками на шеях, да привозили гунцы узких лев в обмен на меха.

Наведовались промышленники и с русской стороны. В лубяных коробах и в переметных сумах привозили они оловянные пуговицы и берестяные солонки, топоры и огниво, сковороды и котлы, бубенцы и перстни, прядь невидную и веревки смоленые, чарки и зеркальца, чулки шерстяные и пояса узорные, вражеские прянки и железа ножевые, сукна серпянные и потом ливно ременные, пригодные резве лишь на то, чтобы им гозно делать. Охотники и кочевники жили в первобытном непорочии. За иголку с ниткой купцы вымени кабалу с жеребенком, за пестрые платки и рубаху выбирали лучших соболов и песцов, железный наконечник для стрелы шел в одну цену с соболем.

Казаки плыли в лодках и на плотах.

Первую весть подели бабы Бабасанова урочища. Старуха Самуха, зимо которой было подобно тому заскорузлой грязи, на рассвете пошла на реку за водою и вернулась в аул с сумятошным криком:

— Алла, алла!... Там люди, много чужих людей! — показала она на полдень.

Аул насторожился.

На реке густо плыли свежие пеньки, ключи рыжей соломы и птичьи перья.

Шептались, хмуря лохматки бабы, степенные старики глядели на воду и перешептывались:

— Да, к нам плывут люди.

— Дальнозоркие.

— Беду за собой ведут.

— Купцы?

— Нет, то не купцы. Купцам не время.

— Война будет.

И всю ночь чуткое ухо татарина ловило далекий стук топоров, лай псов и все слышные в песенном разливе голоса.

Урочище высилось на яру и с приступной — степной — стороны было обнесено рвом и бревенчатой стеной. Тогда лепились избы из глины, мазанки и землянки. С весны все от сада до мала откочевывали в степь и жили в юртах.

От дыма к дыму и от табуна к табуну на взмыленных конях мыкались посланцы:

— Тамаша!... Тамаша!... (Тревога).

По дорогам, тропами и целиною на телегах и верхами скакали татары, направляли бег коней к урочищу.

Лишь на восходе забрезжила заря и на воду от реки столь просыпись первые лучи солнца, как возы мига держась средины реки, вышли обережной, кавалерный отряд, а за ним сперо показалась и вся дружина.

На стругах бронзой бубен, на разных ладьях заливались гармони и дико выла костомза труба.

Бабасан, чтобы устрашить казаков, выставил по бровке крутояра все войско свое — и дуганков, и конебойников, и коновников. Сам же, выйдя вперед, поставил перед собой лук, упер один рог его в землю, и пустил первую стрелу.

Струги плыли к берегу.

Иные казаки наводили пушки, иные, опираясь на пищали, стояли в стругах стойми, гайкали и по-татарски матюкали татар с плечали.

Со шмельным жужжанием летели, любовные косому дождю, частые стрелы.

Казаки подняли вопцали
зали.

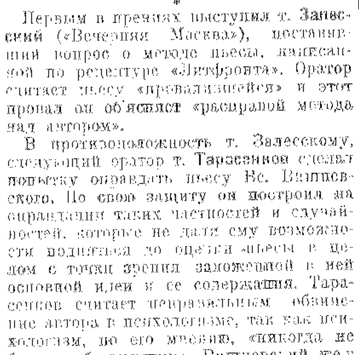
С обрыва свалилось несколько, и вместал рыхлую пыль, устремились по откосу и шлепнулись внизу у самой воды.

Зали.

Орда взвыла и шарахнулась прочь от дымящих огнем и смертью невиданных пушпанов.

На телегах и верхами рванулась орда в степь, тоны перед собой барапту, кочей и верблюдов. Подхватила в старуха Самуха, бросив за собой упирающуюся старую козу с обгорелым боком.

Артем ВЕСЕЛЫЙ



Артем Веселый

Матэ Залка, говоривший от имени ЛОКАФ, подчеркивает «халатное отно-

Попутничество
на фронте живописного искусства
Во власти старых методов

Выставка «Социалистическое строительство в советском искусстве», устроенная всероссийским кооперативным товариществом «Художник» была показательна в целом ряде отношений. Но основной вопрос, который она выдвигает, — это о попутничестве в области ИЗО, его идеологии и конкретной практике. Надо сказать, что проблема попутничества в ИЗО нередко ставится весьма упрощенно: достаточно взять «советскую», индустриальную тему, чтобы проследить попутчиков. Вот в этом отношении выставка и поучительна. Самые различные творческие группировки, представители очень далеких друг от друга течений встретились на ней, объединенные установкой на тематику социалистического строительства. В этом смысле выставка имеет выдержанный характер: здесь нет той натюрмортной и пейзажно-натюрмортной тематики, которая характерна быта двух годов назад для выставок таких объединений, как «ОХР», «Цех живописцев» и др., которая еще недавно была представлена на отдельных выставках. Но, ознакомившись с выставкой, остаешься однако неудовлетворенным. И когда начинаешь анализировать материал, то становится понятным, почему не удовлетворяет выставка, почему она не может явиться выражением, демонстрацией подлинного попутничества в ИЗО, представленного лишь отдельными художниками, но не всей выставкой в целом.

Дело в том, что установка на тематику социалистического строительства не соединяется с адекватной ей идейной направленностью, идейной глубиной, не соединяется с мышлением и развертыванием такого художественного метода, который позволил бы избежать чисто внешнего, поверхностного, регистрирующего и протокольного отношения к теме.

Идейно-творческой глубины и оправданности, вот чего недостает выставке.

В самом деле. Возьмем, например, Ир. Грабаря. Его картины: «Склосовление». «Большая корова», «На скотном дворе», «Тракторная вспашка» берут отдельные моменты из жизни коммуны «Геройд» настолько внешне и случайно, что ни о какой идейно-творческой глубине этих произведений, соответствующей взятым темам, говорить не приходится. Почему, спрашивается, нужно изображать больную корову? Какую идею хотел здесь выразить художник? Разве не нашел он более значительного в колхозной жизни? Также случайно в внешне выбирает темы и у ряда других художников. Например, Малютин выставил картину «Дойка молодой коровы». Почему эта картина должна агитировать за социализм, а не за единоличное хозяйство? Совершенно неизвестно. Она также была бы закончена и 50 лет назад. И уж, конечно, никакого отношения к строительству не имеют такие произведения, как например, «Медь» Малютина, где художник живописует заботливо собранные кастрюли, тазы и прочие медные изделия с одной единственной целью — найти особую «фактуру», особый «тон». Ясно, что здесь мы имеем дело с чистейшим формализмом. В этом же плане отметим и работы В. Н. Яковлева, который продолжает свое «фламандизирующее» стилизаторство на тематике рыбных промыслов.

Все эти примеры говорят лишь о том, что ряд художников темы соцстроительства **приспособляют** к таким творческим установкам, которые имеют мало общего с классовой подлинного попутничества. Другими словами — в ряде случаев вместо этого попутничества мы имеем объективно или приспособленчество, или использование темы как прикрытия для старых творческих установок, характеризующих буржуазное и мещанское искусство. Значительное место занимает на выставке и тот пассивный натурализм, который уже давно осужден пролетарскими художниками и близкими к ним попутчиками. Целый ряд индустриальных пейзажей, «интерьеров», видов и эпизодов строительства, данных в этой манере, также красноречиво свидетельствует об отсутствии той идейно-творческой углубленности, которая позволила бы художникам пойти дальше чисто внешнего, созерцательно-пассивного отношения к изображаемому. (Здесь можно назвать, как примеры этого, работы **В. Н. Яковлева, Федореза, Покаржевского, Сидоренко, Шегаля, Романдина, Рыбченкова, Перельмана и мн. др.**). Статичность, созерцательность, поверхностное восприятие действительности, несмотря на всю виртуозность, вот что характеризует подобные вещи.

Если далее проанализировать работы таких известных мастеров, как **Кончаловский, Машков, Кузнецов, Лентулов и др.**, то и у них мы найдем отсутствие идейно-творческой перестройки. Те же приемы, тот же метод, которыми они пользовались, будучи в «ОМХ», «4-х искусствах» и др. буржуазных группировках, для создания вещей, весьма далеких от соцстроительства, они показывают и здесь. Это обстоятельство ведет в конце концов к тому, что и у них тематика выступает лишь как внешнее оправдание их старых идейно-творческих установок. Когда под картиной П. Кузнецова читаешь «Мать в колхозе», то недоумеваешь, почему эта мадонна, изображенная Кузнецовым, должна олицетворять колхозницу?

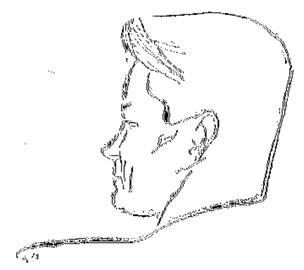
Были на выставке попытки и более активного овладения новой тематикой, попытки выразить более значительное содержание. В этом плане надо отметить **Соколова-Скаля**. Но при всей значительности его замыслов, их осуществление не удовлетворяет. В картине «Прорыв» Соколов-Скаль намеревался в показе ликвидации прорыва на керченской домне № 1 «противопоставить энтузиазм рабочих растерянности администрации и, может быть, вредительству спецов» самой композицией вещи. Однако задача разрешена слишком механично, упрощенно, через разделение «опущо» и «одесную»: через внешне-утрированное акцентирование у одних — работы, у других — растерянности. На всей композиции вредно сказывается тот чисто внешний пафосный, ходульно-романтический эффект, который свойственен Соколову-Скалю. Он не только не помогает углублению идейного содержания, но напротив, разменивает его на внешние эффекты, ложный драматизм и т. п.— Другая из более значительных вещей выставки «В колхозе» — Федорченко — также страдает рядом недостатков. Ее крупный масштаб отнюдь не помогает достичь подлинной монументальности, а нарочитая композиция скомпрометирует действенность. Самые приемы живописной детализации приходит в противоречие со стремлением к монументальности.

Таким образом, в этих и подобных им попытках большей идейной углубленности художники или встают на ложный путь символической нарочитости, внутренне бессодержательной пятетики или остаются во власти старых методов работы.

Часто поверхностное отношение большинства участников выставки к темам соцстроительства сказывается также и в том, что действительность не взята ими как действительность классовой борьбы. За индустриальными пейзажами, «дойной коровой», «бодающими коровами» и т. п. — нами совершенно пропадает классовая борьба, пропадают те социальные, психологические сдвиги, которые должны составить основное содержание практики художников. Дать образ ударника, колхозника, показать элементы социализма, борьбу за социализм — вот задачи подлинного попутничества в ИЗО. Но эти задачи не будут разрешены, если дело ограничится поверхностным приспособлением новой тематики к старым идейно-творческим установкам. Борьба за новые идейно-творческие установки, за действенный классовый подход, за новые методы работы, соответствующие задачам пощучника в период развернутого социалистического наступления, — вот что надо противопоставить тому приспособлению тематики соцстроительства к буржуазным и мещанским творческим установкам, которые мы видели на выставке.

А. МИХАЙЛОВ

Выставка художника Ф. Богородского



1 марта, в Музее изящных искусств открылась выставка первоклассной по заграничной поездке молодого художника Ф. Богородского.

На ней представлено около 250 рисунков, акварелей и эскизов, свидетельствующих о большой напряженной работе, продолжавшей за это время. Заграничная поездка оказалась для Богородского не праздной экскурсией, а претворением очень ценных живописных достижений. Вместе с большим мастерством, которое он приобрел, его живописи выразительность стала мужественнее и бодрее и звучание цвета полноценнее. Молодое пролетарское искусство обрело в Богородском очень талантливого мастера и творчество его заслуживает самого серьезного внимания. Мы к нему вернемся в ближайшем номере.

Местком писателей не справился
с руководством Секублита
Реорганизовать Секублит на общественных началах

Слова и дела секублита

Долой старый быт! Долой индивидуальное хозяйство писательской семьи! Мы заканчиваем строительство для перестройки быта писателей и их семей на новых социалистических коммунальных началах.

Так громогласно заявил Местком писателей, оформив создание секции по улучшению быта литераторов в Облегчилке союза печатников—11 июня.

Отсюда и ведет свою немалую историю Секублит.

В клуб ФОСП, где помещался Секублит, повалили десятки писателей и членов их семей. Записывались. Вносили вступительные и паевые взносы от 5 до 50 рублей.

Каждый уходил с сияющим лицом. Закрытый распределитель, коммунальная столовая, доставка продуктов на дом, детский сад, ясли...

Это ли не идеал нового быта писательской семьи?

*

Первое и единственное общее собрание членов Секублита, состоявшееся 31 июля 1930 г., взорвало праздник от 16 человек и разоблачило из 11 человек.

И точка. На этом и кончается участие широкой писательской общественности в практической работе Секублита.

Правление Секублита, которое не сумело опереться на писательскую и пролетарскую общественность, допустило целый ряд ошибок в своей работе.

Секублит вызвал паевые взносы. Собрались, таким образом, 9.761 руб. Незаконно израсходовано 1.370 р.) ухалили на совершенно аппарата Секублита. Из использованных до сих пор на действительное улучшение быта писателя и работника литературы молодежи 15.000 рублей, вырученные Всероскомдрамом Секублиту и 3.700 рублей, данные Секублиту Литфондом и ФОСП.

А воз и ныне там

Ревизионная комиссия Секублита, обследовавшая работу секции 5 ноября 1930 г. (после этого ревизий не было), нашла ряд недостатков в ведении денежной отчетности, констатировала отсутствие приходно-карточек, в результате чего в кассе Секублита получали продукты и не члены секции и т. д. Правлению Секублита было предложено обновить его руководящий состав, провести перерегистрацию членов Секублита, созвать в декабре общее собрание.

Но «воз» Секублита не сдвинут с места, о его перестройке и не думают.

С приходом в Секублит Всероскомдрама и обновлением правления и ревизионной комиссии Секублита (кстати, созданных без утверждения общим собранием членов секции) дела Секублита не поправились. Фактически, из 15 членов правления работало только 2—3 человека. Хозкомиссия Секублита бездействовала.

В конце ноября правление Секублита получило от Месткома писателей 130 ордеров на промтовары. Закупив промтовары, руководство Секублита разбазарило на них 10 проц. стоимости и распределило эти ордера. Правда, была избрана специальная комиссия, но распределение ордеров носило довольно случайный и не общественный характер. Любопытно, что в результате бесхозяйственного распределения ордеров, несмотря на колоссальное количество поданных заявлений, еще сейчас на складе Секублита имеются промтовары: 10—12 пар парусиновой обуви, 6 шерстяных платьев, 10—11 женщин и др. Такое распределение ордеров вызвало злобное негативное общее возмущение писателей.

Кроме того, Секублит распределил 35 ордеров на детские промтовары и 350 ордеров на дрова, причем некоторые товарные получили по 2 ордера на дрова, в то время как другие—ни одного. Параллельно с Секублитом Местком Госкосткомдрама организовал свое коопбюро, которое снабжает ордерами членов ВССР, являющихся одновременно и членами Секублита.

Хождение по мукам

Вместо организации планового снабжения, вместо закрытого распределителя, Секублит открыл в своем клубе палатку. Снабжался он Фрунзенским РПОТ из рук вон плохо. Домашние хозяйки—жены писателей и драматургов, приходившие отовсюду, сюда ни с разу не получали продуктов, полагавшихся им по норме. Обслуживание палатки продавцы грубо обращаются с посетителями. Жены писателей указывали в заявлениях на факты обвешивания их продавцами.

Особенно небрежно подошло правление Секублита к открытию писательской столовой, избрав для столовой помещение бывшей пивной на Тверском бульваре. Писатели и их семьи, принужденные были первые 15 дней питаться вместе со случайными посетителями столовой Моссельпрома, которая попрежнему носила характер пивной. Это ли не издевка над идеей общественной писательской столовой!

Правда, с 15 января столовая Моссельпрома передана на положение столовой закрытого типа. Через несколько дней обеды в столовой значительно ухудшились, несмотря на повышение цен, и понятно, посещаемость ее резко упала. Этого только и ждала руководители столовой Моссельпрома. Не дождавшись окончания месячного испытательного срока, согласно разрешения члена правления Моссельпрома тов. **Викильина**, столовая была открыта для широкой публики. Писатели перестали посещать столовую. Любопытно, что правление Секублита, незаконно взяло при этом с писателей по рублю за пользование обеденной карточкой в столовой Моссельпрома, собрав таким образом, 465 рублей.

Секублит бездействует, — занимают его работники. Никакого руководства и контроля со стороны Месткома писателей Секублит не чувствует. Местком писателей ограничился только формальным заслушиванием докладов о работе Секублита. В составе Секублита 800 человек, а с семьями писателей и драматургов—до 3.000 человек. Комиссия, просматривавшая список членов Секублита на распределение промтоваров, нашла, что из 500 человек членами Секублита может состоять только 582 человека. Необходимо провести чистку его рядов.

Секублит бездействует

Секублит замер. Столовую закрыли. Вопрос о закрытом распределителе висит в воздухе. Наконец ФОСП решает: Секублит передать Литфонду. Литфонд, боясь ответственности, дела Секублита не принимает. Местком писателей прибег к помощи авторитета: Облотдел союза печатников запрещает передать Секублит кому бы то ни было.

Наконец парторганизация Дома Герцена на-днях взялась на это дело. Выделенному райкомом ВКП(б) работнику и партколлегии ФОСП поручено в течение 5 дней ставить дело Секублита с мертвой точки.

Мы предлагаем:

Провести коренную реорганизацию Секублита.

Вместо обычной кооперативной палатки организовать закрытый распределитель, который Облторготдел должен обеспечить бесперебойным снабжением продуктов, прикрепив писательский распределитель к рабочим распределителям.

Новому руководству Секублита необходимо поставить перед ВССП и ФОСП вопрос об организации единой писательской столовой (по примеру Ленинграда) и буфета в клубе ФОСП, которые могли бы обеспечить писательской массе действительно хорошее питание.

К работе правления Секублита нужно привлечь представителей рабочей общественности.

Организовать выезд группы нового правления Московского Секублита в Ленинград для ознакомления с опытом работы Ленинградского Секублита.

Секублит должен быть не только хозяйственно-кооперативной организацией, но подлинно общественной писательской организацией, борющейся за новый быт советского писателя.

Бригада «Литературной газеты»: **Е. МАНЦВЕТОВА** (картонажная фабрика), **МАТЭ ЗАЛКА** (комиссия ФОСП), **А. КРУПНОВ** («Литгазета»)

Письмо в редакцию

В № 31 — 32 журнала «Смена» напечатан очерк «Атакующие небо», за подписью «Всеволод Иванов». За этой же подписью появлялись и еще очерки и «Комсомольская правда». Пятнита на свое имя я не давала и поэтому не могу принять к ответственности моих тезок, которые носят имя аналогичное моему и любят иным именем украшать страницы газет и журналов. Я вынуждена настоящим письмом обратиться с просьбой ко всем Всеволодам Ивановым, которые есть и могут появиться, пожалеть меня и сделать на своей подписи какие-нибудь особые отметки, так как мне и без того много приходится платить налога фининспектору, а платить за всех Всеволодов Ивановых мне будет неполезно, буде же один Всеволод Иванов отказывается удовлетворить мою просьбу, то я им предлагаю отмечать вместе со мной перед общественным мнением в заявлении «Особинка» и «Тайного тайных».

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ.

Календарь
работы клуба ФОСП

4 марта 20 ч. Зрительный зал. Просмотр кино-фильма «Военная война». Выпуск 1931 г. Стоимость.

4 марта 15 ч. 30 м. МАПП. Заседание комиссии по организации вечера памяти тов. Фурманова.

4 марта 17 ч. Собрание партактива МОПКИ.

4 марта 18 ч. Эсперантисты. Рабочий кружок при МК.

4 марта 17 ч. Секретариат МАПП.

4 марта 20 ч. Сбор революционных драматургов.

4 марта 19 ч. Президиум правления клуба.

5 марта 20 ч. Вечер делегатского чтения Антона Шмидта. В программе Одоева, Бабеля, Багрицкий, Казаки, Сельвинский.

5 марта 13 ч. Эсперантисты.

7 марта 20 ч. Вечер творческой дискуссии. Л. Леонов, отрывки из произведений «Сотое» и «Evolutia».

7 марта. МАПП. Детская секция.

8 марта 20 ч. Вечер, посвященный международному дню работницы. Вступительное слово К. Инбер. Концерт с участием В. Дуганова, Г. Шпаковского, Б. Инбер, Р. Зеленой, А. Каринцевой, М. Марич, Михалкова и Бегой.

Извещения

4 марта, в 12 ч., в помещении Всероссекомдрама (Тверской б., 25) секретарша Всероскомдрама с секретарем искусств Наркомпроса обсуждает с писателями вопрос о заключении договоров и перемонтаже комитетах.

5 марта, в 18 ч., в помещении редакции журнала «Молодая гвардия» (Б. Черкасский, 6) состоится производственное совещание актива литературной Сокольнического района.

5 марта, в 19 ч., в клубе Наркомпроса (Чистые пруды, 6) состоится об'единенное заседание Главреперткома и президиума Всероскомдрама с активом драматургов и театральников по вопросу о репертуарном плане на 1931—32 г.

5 марта, в 19 ч. 30 м., в Комакадемии (Волхонка, 14) состоится открытый пленум центрального сектора Государственной академии искусствознания. Доклад Аматлобеля «Театр народов СССР». В прениях тт. Чужимов, П. С. Коган, Нолинг, Келенич, Айзенштейн, Бродский, Марков, Павлов.

5 марта, в 19 ч. 30 м., в Доме Герцена (Тверской б., 25, комната 16) состоится собрание детской секции ВССП. Тов. Экатерина читает пьесу.

6 марта, в 18 ч. в Литературном об'единении рабочих писателей ЛОРП при «Художественном журнале» (Солянка, 12, Дворец труда, ком. 210) состоится очередное творческое собрание.

7 марта, в 19 ч. «Поэты кузницы» и «Рабочая весна» (Тверской б., 25) организуют очередное литобследование. Тов. Косцинцин — доклад «Творческое лицо» старой Кузницы».

7 марта, в 19 ч. 30 м., в Доме Герцена состоится литературный вечер. Сергей Клычков прочтет героическую поэму «Мазурка-Вальс» (Вокульский край).

8 марта исполняется 5 лет со дня смерти Д. Фурманова. В связи с этим Центральное бюро пионерклубов ФОСП устраивает в марте ряд вечеров в рабочих клубах и красных уголках фабрик и заводов.

С 3 марта в помещении библиотеки Рабфака комсомола (Русаковская, 29) открывается литературная секция Сокольнического райбюро МАПП. Работа по нечетным числам, кроме 1, 9, 11, 19, 21, 29—от 17 до 20 час.

Поправка

В № номере газеты под стихотворением «Рассказ красноармейца» ошибочно напечатано Д. Митрейкин. Нужно Е. Митрейкин.

РЕДАКЦИЯ.

От редакции:

В связи с письмами тт. Серафимовича и Колечицкого, напечатанными в №№ 16 и 17 «Литературной газеты», в редакцию поступили личный ряд откликов как в защиту т. Колечицкой, так и против нее, так как ФОСП создана комиссия по разбору этого дела и редакция от печатания писем воздерживается.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРОЗЕДЕНИЕ
КРИТИКА

АФИНОГЕНОВ А. Творческий метод театра. Диалектика творческого процесса. (Критическая б-ка «На литературном посту»). Стр. 141. Ц. 1 р. 15 к.

ФАДЕЕВ А. За художника материалистического. Изд. 2-е доп. (ГАХН. Современная пролетарская литература). Стр. 66. Ц. 1 р.

МЕМУАРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АКАДЕМИЯ»

СОЛЛОГУБ В. А. Воспоминания. Редакция, предисловие и примечания С. П. Шестеринина. Вступительная статья П. К. Гудера. Отп. 654 + 4 портр. Ц. 4 р. 20 к., в пер. 5 р.

АРЦЫБАШЕВСКИЙ А. Передумье. О Баболе, Гладкове, Жарове, Зорине, Зощенко, Нечер, Клычкове, Крестьянском поэте, Луговском, Никифорове, Олеше, Оренгине, Романове, Радимове, Спегалове, Ольшанском, Третьякове, Ушакове, Шкловском, Гасуцком М. Куприяновой, П. Кривалом, Пит. Сиволапе (КУКРЫНИКСЫ). Стр. 46 + 1 портр. Ц. 1 р. 50 к., в п. 1 р. 80 к.

СПЕГИРЕВ В. Потерпевшие крушение. В стране шелка и роз. Историческое повествование. Со статьей проф. И. И. Бороздина: «Путешественники Запада в Персии XVI—XVII вв.». С 22 иллюстр. из книги Олеария «Путешествие голштинского посольства», изданной 1727 г., 10 разрод. старинных гравюр и с картографией карой. Стр. 511. Ц. 3 р. 25 к., в пер. 4 р. 65 коп.

НИКИТСКАЯ М. Вода и ветер. (Дальний Восток). Стр. 264. Ц. 2 р. 50 к.

ПРОКОФЬЕВ А. Полдень. Стихи. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 66. Ц. 40 к., в п. 60 к.

КЛАССИКИ

ДОСТОЕВСКИЙ Ф. Сочинения. Под общей редакцией А. В. Луначарского. Стр. XXXIX + 739 + 1 портр. Ц. 4 р. 50 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

ГРЮНБЕРГ К. Пылающий Брур. Роман из времен пятсот Кампа. Полный авториз. перев. с нем. В. Мининой. (Детская б-ка Остена). Стр. 281. Ц. 50 к., в п. 65 к.

ДОС ПАССОС Д. Манхаттен. Роман. Перев. с англ. В. Стенича. Изд. 2-е. Стр. 356. Ц. 2 р. 25 к.

ОСТРОВЕР Л. Конец Ключевгорма. 2-е изд. Стр. 232. Ц. 2 р.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ КНИГОЦЕНТРА и «КООПКНИГИ».

МУЗГИЗ КНИГОЦЕНТР

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ МУЗЫКУ

Орган Российской ассоциации пролетарских музыкантов

ВЫХОДИТ 2 раза в месяц

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ №№ 3 и 4

ТРЕБУЙТЕ в киосках и во всех магазинах КНИГОЦЕНТРА

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ: годовая цена: на год (24 ном.)—3 р., на 6 мес.—1 р. 80 к., на 3 мес.—75 коп. Цена отд. ном.—15 к.

Содержание № 3

Армия с методными средствами. ● О педсовете, «весенней музыке» и Аникимове (из доклада т. Люсинского). ● Успехи и производственного поэтического совещания РАПП о массовой песне. ● О горячем муалате, Мари и пламенном мосторе. ● Рабочая бригада об Анисимове. ● Борьба с «реакционной» пластинкой в Германии. ● Пролетарская общественность протестует против издания Авиамарша Хайта. Отпор по халтурщикам (письма с мест). Ноты: Эд. Коваль — «Гуляем в коммуне».

Содержание № 4

Против недооценки культурно-политического значения музыки (передовая). Как слушать музыку. Брусок ВАПМ на предприятия (вторая статья). Диспут о музыкальных хулиганствах. 3-я конференция рабочих кружков МАПМ. Огонь по халтурщикам (письма с мест). Перестроим муз. работу (письма с мест). На обсуждение (письма с мест). Петля Маршала Конде и исполнение Сарры Крыловой. Что играть. Вечер Электрозавода. НОТЫ: Бетховен — Сонатина для мандолины.

Подписка принимается: Периодсектором Книгоцентра (Москва, Ильинка, 3), магазинами и отделениями Книгоцентра и на почте

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ при Коммунистической академии ЦИК СССР

БОРЬБА КЛАССОВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ЖУРНАЛ ЯВИТСЯ БОЕВЫМ БОЛЬШЕВИСТСКИМ ОРГАНОМ ПРОПАГАНДЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Ставя своей задачей систематическое ознакомление широких читательских масс (члены партии, комсомольцы, рабочие, студенчество, колхозный актив и т. д.) с историей классовой борьбы, преимущественно XIX и XX вв., журнал будет помещать небольшие статьи, очерки, воспоминания, дискуссионные материалы, художественные произведения исторического содержания, новые документы прошлого и т. д.

ЖУРНАЛ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАН

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: год—10 руб., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 руб.

С приложением большой популярной иллюстрированной библиотеки

ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

в 24 книгах, которые в целом осветят основные вопросы мировой истории, с марта по конец года—24 руб. Допускается рассрочка: при подписке—8 руб., к 1 мая—5 р. 50 к., к 1 июля—5 руб., к 1 октября—5 р. 50 к., к 1 ноября—4 руб.

Подписку сдавайте только на почте письмоносцам.

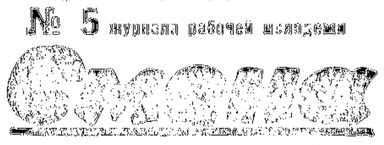
Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»

ГОС. ИЗД-ВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ФАБЗАВУЧЕНИК, ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ, ЧИТАЙ

Роман фабрично-заводской ученической жизни «Детища ленинского комсомола» — ячейкам по сущему сезонной кумпанией вещи рабочего спроса.

№ 5 журнала рабочей молодежи



ПРОСВЕЩЕНСКИЙ Х-ЛЕТИЙ ФЗУ.

Выходит из-дних. Цена отдельн. номера—15 к.

ПРОДПИСКА НА ЖУРНАЛ на 1931 г.

На приложения:

С приложен. на г.—7 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к.

Без приложения: на год—4 р., на 6 м.—2 р., на 3 мес.—1 р.

Каждый фабзавученик — подписчик «СМЕНЫ».

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

НА СТРАЖЕ

Рассказы, стихи, очерки о Красной Армии (массовая библиотека)

Стр. 207, к. 60 к.

В СБОРНИКЕ УЧАСТВУЮТ: П. Асеев, Д. Бедный, К. Большаков, Вс. Вишневский, Б. Галин, С. Диковский, А. Исбах, С. Кирсанов, М. Кольцов, Н. Костерев, Н. Лапшин, А. Новиков-Прибой, А. Сурков и др.

МАЯКОВСКИЙ В. ГОТОВЬСЯ! ЦЕЛЬСЯ!

Сборник стихотворений на мотивы о Красной Армии и гражданской войне. С предисл. Ф. Кона (массовая библиотека). Стр. 158, п. 40 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Десятилетняя поэма. Левый марш. Возьмем винтовки поплюе. Марш обороны. Потьма. На Западе все спокойно. Прочь руки от Китая. Из поэмы «Хорошо». Из поэмы „У Интеграционал". Сказка о дезертире и мн. др.

ВСЕ ЖУРНАЛЫ ОЛЬКО

на почту или письмоносцам сделайте подписку на 1931 г. на изд. Гид. Каз. О-ва

«ОГОНЕК»
«Всемирная история»
«Искры науки»
«За рулем»
«Изобретатель»
«Советское фото»
«Журналист»
«РОСТ»
«Литературная ГАЗЕТА»

Подписка в Издательство направлять не следует. Высылка переводов в Издательство затрудняет и замедляет исполнение подписки

МАССОВЫЙ литературно-художественный и культурно-бытовой журнал

РОСТ

МАССОВЫЙ ОРГАН ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 3 р., 6 мес. — 1 р. 50 к., 3 мес. — 75 к.

Подписку сдавайте на почту и письмоносцам. Деньги в Редакцию посылать не следует

Адрес: Москва, Тверской бульвар, 6, Страстной б., 11

ВНИМАНИЮ подписчиков журналов „ОГОНЕК" и „ИСКРЫ НАУКИ" с приложением книг „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

С 1 марта прекращается высылка изданий подписчикам, не уплатившим ВТОРОГО ВЗНОСА: по «Огоньку» с «Всемирной Историей»—4 р. 800 — Искрам Науки» с «Всемирн. Историей» 5р.

Взносы следует направлять ТОЛЬКО НА ПОЧТУ

Изд. Изд. О-во „ОГОНЕК"

По взносам, поступившим с опозданием, высылка журналов не гарантируется

ПЕРВАЯ КНИГА „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ" ПЕЧАТАЕТСЯ и в марте будет разослана.

Государственное Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

Книгоцентр

РАБОТНИКИ комсомольской печати и ячеек ВЛКСМ, читален, библиотек, красных уголков и изб-читален, клубов, культотделов, фабзавкомов и месткомов

ЧИТАЙТЕ и ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на ежемесячный журнал по вопросам молодежной печати

КНИГА МОЛОДЕЖИ

Орган ЦК ВЛКСМ

Борется за нужную комсомолу и рабочей молодежи книгу, мобилизующую молодежь на активное участие в строительстве социализма

„КНИГА МОЛОДЕЖИ" учит, как надо работать с книгой, как надо пользоваться книгой, журналом, газетой в работе и учебе.

„КНИГА МОЛОДЕЖИ" указывает, что необходимо прочесть по актуальным вопросам социалистического строительства, чтобы быть подготовленным для выполнения боевых заданий партии и комсомола, чтобы получить теоретическую зарядку по всем вопросам практической работы.

„КНИГА МОЛОДЕЖИ" воюет с халтурой, с вредными и плохими книгами и учит, как комсомол и молодежь должны продвигать в массы книгу, журнал, газету. Обучает практическими навыкам молодежных кадров, работающих в молодежной печати, борется за низкий комсомола и рабочей молодежи в литературу, борется за рабочие кадры авторов молодежной книги.

С 1 января журнал „КНИГА ДЕТЯМ" влился в журнал „КНИГА МОЛОДЕЖИ".

С 1 января журнал „Книга молодежи" освещает также ВОПРОСЫ ДЕТСКОЙ ПЕЧАТИ.

„КНИГА МОЛОДЕЖИ" беспощадно борется с аполитичностью в детской книге, с плохим оппортунизмом в детской литературе. ЗА НОВУЮ, ДОЛЖНУЮ СОВЕТСКУЮ ДЕТСКУЮ КНИГУ, дает развернутую критику детской литературы, борясь за новые жанры и стиль, созвучные великой эпохе социализма.

В ближайших номерах журнала будут освещены следующие вопросы: смотр молодежной книги, редакционные планы на 1931 г., как проработать решения IX с'езда комсомола, производственно-техническая книга, смотр национальной молодежной и детской книги (в первую очередь комсеты УССР), итоги I Всесоюзной конференции по детской книге.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На год (12 номеров)—3 р. 40 к., на 6 мес.—1 р. 70 к., на 3 мес.—85 к. Отдел. номер—30 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором Книгоцентра (МОСКВА, Ильинка, 3), магазинами и отделениями Книгоцентра и на почте.

Уполном. Главлита В 29516

Типография (№ 6) треста Мосполиграф, ул. Свердлова-Степанов, д. 1.